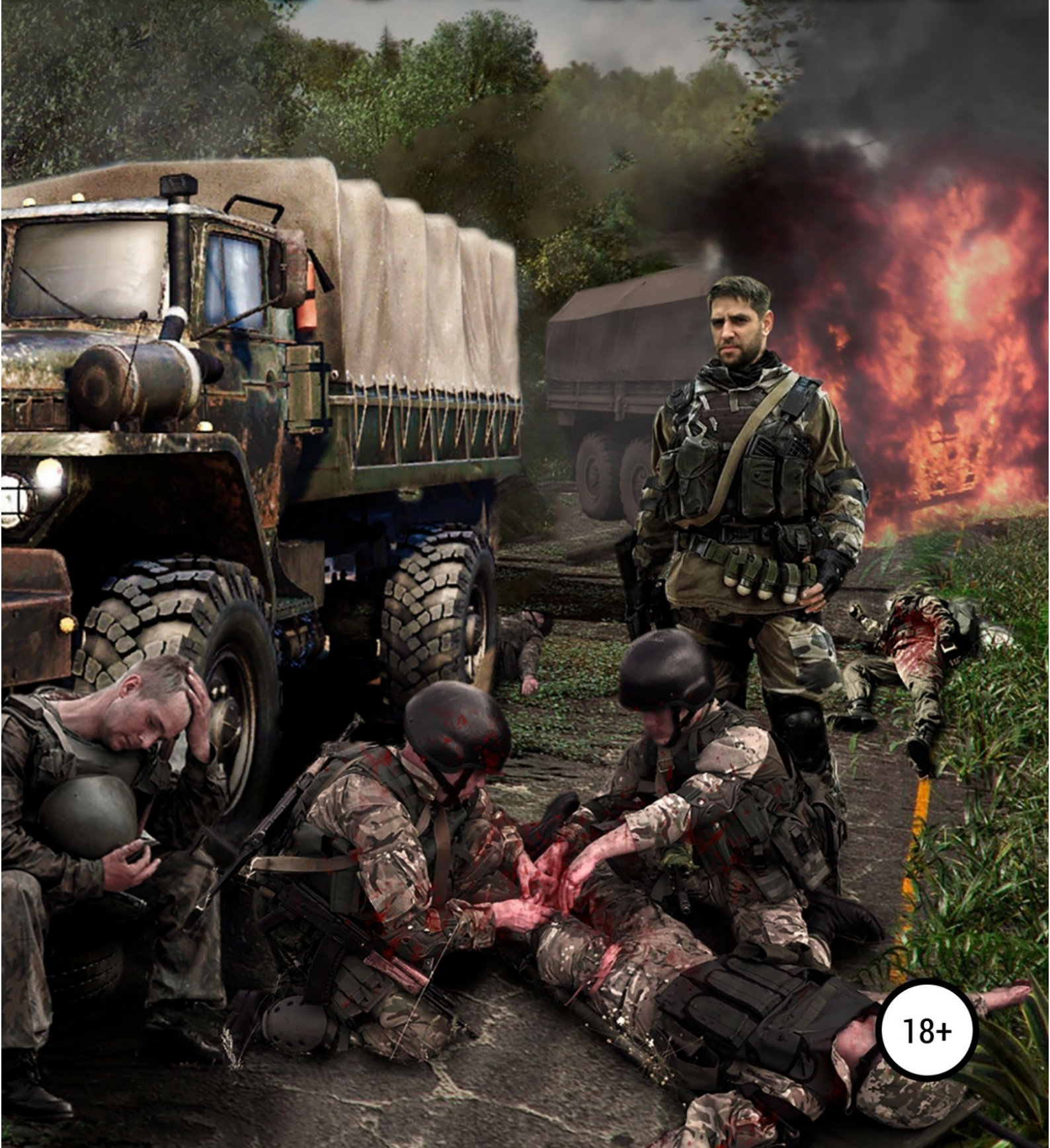

А.Л.К.О.
ПРОДА

КИРИЛЛ ШАРАПОВ

КЛИН СМЕР

18+

Кирилл Шарапов.

Клинсмер

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Шарапов. К. Ю.

Клинсмер / К. Ю. Шарапов. — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Как быть, если для тебя мир меняется за один день? Не помнишь, кто ты, кем был раньше? И главное, не знаешь, кто отправил тебя в кому на девять лет? Но самое страшное, что ты не узнаешь мир, который теперь тебя окружает. Раньше вокруг была мирная жизнь, а теперь город, в котором ты вырос, патрулируют вооруженные дружинники. На центральной площади проводят публичные наказания, а за пределами города «правят бал» дикие банды. Единой страны больше нет. В двадцать первом веке Россия окунулась в пучину феодальной раздробленности. Книга написана в 2008 году и является первым опытом автора в жанре - фантастический боевик.

© Шарапов. К. Ю., 2008

© ЛитРес: Самиздат, 2008

Клинсмер

Глава 1

Тихий августовский вечер закончился для меня очень неожиданно. Я шел по улице, разглядывая встречающих девушек, оценивая их стройные ножки и смазливый личик. Дойдя до поворота к своему дому, я оглянулся и, проводив взглядом очередную короткую юбку, шагнул в арку, ведущую во двор. Последнее, что я помню – это как кто-то шагнул мне навстречу. Потом стало темно...

Очнулся я в незнакомой комнате. Над головой капельница, в руке иголка, к ней приделана трубка, по трубке в меня течет какая-то дрянь. Когда глаза привыкли к полумраку, я огляделся вокруг – старая железная кровать, на которой я лежу, на ней несвежая простыня, окно, покрашенное черной краской, одинокая лампочка под потолком, освещающая комнату, правда тускло. Рядом с кроватью пустая тумбочка из ДСП, стены покрашены в бледно-зеленый цвет. «Я в больнице, – мысленно вынес я вердикт помещению. – Но кто я, и как здесь оказался? Так, давай вспоминать. Август. Шел к себе домой. Так, где дом? Не помню. Хорошо, дальше, какой год? Был две тысячи пятый. Уже прогресс! Какой сейчас? – огляделся, ничего из окружения об этом не говорит. – Тогда оставим это, что со мной? Помню, кто-то шагнул навстречу... Кто? Неважно. Может, меня сильно ударили по голове? – Дотронулся до волос, ни бинтов, ни травм. – Тогда что со мной? Слабость во всем теле, как будто давно не ел. Может, я здесь прилично валяюсь? Так оно и есть. Тогда, сколько я так провалялся? Пора вставать!»

Вытащив иглу, я сел. Голова закружилась, но это просто слабость. Так, теперь надо встать. Встал, дальше что? На мне полосатая пижама, но то, что я в больнице, я и так знаю. Ладно, хорошо хоть не голый, а то и не погуляешь, пока кто-нибудь не придет. Ну, коли я одет, можно и выйти в люди.

Первый шаг дался мне неуверенно, такое ощущение, что мышцы ног давно мне не служат, а это значит, что я лежу без движения уже достаточно долго. Около двери зеркало, небольшое и очень старое, изображение в нем мутное, но морду лица разглядеть можно. У меня серые холодные глаза, выбритые до синевы щеки, острый подбородок, волосы русые, зачесаны на бок. На вид мне лет тридцать. А сколько было в две тысячи пятом? «Двадцать два», – подсказало сознание и замолчало, больше из него вытянуть не удалось. Нет, лицо мне определенно незнакомо. Такое ощущение, что чужое. На самом деле мое, но кто я?

Дверь оказалась не заперта, и я шагнул в тускло освещенный коридор. Стены покрашены в тот же мерзкий салатовый цвет, ну да хрен с ним. Налево от меня тупик, направо длинный коридор, в конце которого стеклянные двери и стойка регистратуры. Значит, нам туда. Держась за стену, я сделал неуверенный шаг, затем еще один. Так, не торопясь, я дошел до стойки. На журнале посещений спит девушка, лет двадцати, белый поношенный халат, ставший от частых стирок серым, густые, длинные, светлые волосы, закрывающие лицо. Я кашлянул, ноль внимания. Крепко спит. Так, а это что? Мой взгляд упал на страницу журнала посещений, которую не закрывала голова девушки. То, что мне удалось прочесть, вогнало меня в глубокий ступор, ноги стали ватными, перестали держать ослабшее тело, мое громкое падение на пол разбудило медсестру. Последней записью было: Доктор Самсонов А.А., обход пациентов на 18.07.2014 закончен.

– Кто здесь? – раздалось из-за стойки, где еще недавно спала девушка.

– Я здесь, – отозвался я, сидя на полу и пытаюсь понять, куда делись девять лет моей жизни.

Последние воспоминания – арка и темнота. Девять лет, а что же случилось за это время? Что с родными, что с гражданской женой и что вообще с миром? Рядом простучали каблуки, и это явно не шпильки туфельки медсестры. По ушам ударил до боли знакомый звук перереду-

того затвора. Повернув голову, я обнаружил ноги в камуфляжных штанах, обутые в армейские ботинки. Подняв глаза, чуть в обморок не упал, надо мной стоял крепкий парень и держал меня на прицеле пистолета. Не делая резких движений, я повернулся и посмотрел на стойку регистратуры, оттуда за мной наблюдала девушка с красивым лицом и зелеными глазами.

– Парень, ты кто? – спросил обладатель камуфляжа и пистолета. – И почему я не видел, как ты вошел? – и он кивком указал на двери, ведущие из коридора.

– Не видел, потому что я в них не входил. А кто я, хоть убей, не помню, – такой ответ явно не понравился обладателю пистолета, а другого я дать пока что не мог.

– Стас, – наконец, дошло до девушки, – это же пациент из восьмой палаты, ну, той, что в конце коридора, который уже девять лет в коме.

– Ни хрена себе! – удивленно заявил Стас, убирая пистолет в кобуру и протягивая мне руку. – Ты так давно здесь прописался, что о тебе только врачи и медсестры помнят. А я только краем уха слышал. Выпить хочешь?

– Хочу, и даже больше чем хочу, – отозвался я, поднимаясь с помощью охранника и вертя головой по сторонам в поисках стула.

Оглянувшись на дверь и усадив меня на ближайшую лавочку, Стас сунул руку в карман и протянул мне плоскую металлическую фляжку.

– Смотри, аккуратно пей, дрянь очень крепкая, – предупредил он, свинчивая крышку.

– А может, не надо? – спросила медсестра, по-прежнему глядя на нас из-за стойки.

– Надо, – отозвался я, делая большой глоток. Огненная жидкость понеслась по пищеводу, проясняя туман, царивший в голове.

– Не налегай, – посоветовал Стас, – а то хрен тебя знает, может, снова в кому впадешь.

С большим сожалением признавая его правоту, я оторвался от фляжки и задал вопрос, который меня уже давно волновал.

– Кто я?

Стас пожал плечами и посмотрел на медсестру.

– А чего ты на меня смотришь? – сказала девушка. – Мне десять лет было, когда он сюда попал.

– Хорошо, тогда как меня зовут?

Медсестра снова пожала плечами:

– Никто не знает, доктора называют тебя просто восьмой.

– Здорово, – улыбнулся я. – Кто я – неизвестно, как зовут – неизвестно, город хоть какой?

– Владимир, – отозвался Стас.

– А страна, надеюсь, Россия? – спросил я.

– Нет, восьмой, – улыбнувшись, отозвался охранник. – Такой страны нет уже восемь лет, как и всей остальной Европы и того мира, который ты знал. Город является столицей Владимирского княжества.

В голове щелкнуло, и свет снова погас.

Открыв глаза, я обнаружил, что прошло не так уж много времени. Стас все еще стоит рядом, а в руке у него стакан воды. Голова моя лежит на коленях девушки, а сам я лежу на лавке.

– Какого княжества? – разлепив онемевшие губы, спросил я.

– Владимирского, – повторил охранник.

– А какие еще есть?

– Ну, Новгородское, Московское, Питерское, Рязанское... Всего одиннадцать, подытожил он.

– А что с США?

– Нет больше такой страны, – сказал он, пожимая плечами. – Там хуже всего было, почти никого не осталось. Как и в Австралии.

– Хуже чего? – не понял я.

– Хуже всего, – повторил Стас.

– Да подожди ты, – сказала медсестра. – Он не понимает, поскольку попал сюда раньше, чем все началось.

– Что началось? – тупо спросил я.

– Эпидемия, – тихо сказала она, – какой-то новый вирус гриппа, он выкосил за неделю пятьдесят процентов населения Земли. А за последующие несколько лет сократил население до миллиарда. Причем, Китай полностью опустел, а сами китайцы растворились среди выживших, перестав существовать. Америка и Австралия уничтожены полностью в результате ядерного удара России.

– Зачем? – не понял я.

– Чтобы сдержать распространение болезни, – вклинился Стас. – Но это не помогло. Европа почти опустела, на территории России проживает около сорока миллионов человек, а по всему миру чуть больше миллиарда. Правда, сейчас весь мир – это Европа и Россия.

– Ни хрена себе! – сказал я, снова закрывая глаза.

«Может мне обратно в кому рухнуть, – подумал я, – а то что-то мне расхотелось из нее выходить».

Проговорили мы всю ночь. Картина, нарисованная Стасом и Викой (так звали медсестру), не радовала. Анархия начала девяностых прошлого века сейчас считалась райским временем, люди, что постарше, вспоминали о нем, как о чем-то очень близком и безвозвратно потерянном. Страна лежала в руинах, гражданская война, начавшаяся после окончания эпидемии, унесла жизни более тридцати миллионов соотечественников и разделила страну на кучу мелких удельных княжеств, власть в которых моментально захватили банды, а кое-где военные. За семь лет их осталось всего одиннадцать, два режима военной диктатуры, остальные подчинялись главарям различных банд. Княжества кое-как контролировали территорию до уральских гор, за ними же территорию захватили военные, основавшие там новое государство Н.Т.Р. (Новая Территория России). Занимались они разработкой нефтяных и газовых месторождений, добычей металлов, производством оружия. Столицей нового режима стал Екатеринбург. С другой стороны на княжества наседали не меньшее по размахам и силе новообразованное государство – Соединенная Европа. Власть там после эпидемии тоже захватили военные, только юсовские, поскольку на территории Старого света располагалось несколько десятков военных баз США, и в результате непродолжительных столкновений с немногочисленными армиями европейских карликовых государств, генералы бывшей армии США сумели установить довольно твердый режим военной диктатуры.

Но больше всего меня заинтересовали сами княжества, тем более, что в одном из них я и находился. Бандиты, хотя уже правильнее сказать и не бандиты, а хозяева княжества, занимались всем понемногу. Основным направлением многочисленных заводов бывшей Владимирской области стало производство оружия. В принципе, Владимирское княжество располагалось на прежней территории области, но там обитали только рабы и крестьяне, живущие за счет сельского хозяйства, основная движуха крутилась вокруг самого Владимира. Из Коврова сюда был эвакуирован завод имени Дегтярева, на котором сейчас и собирались все старые модели Калашниковых, несколько видов пистолетов, пулеметов и боеприпасы к ним, а также мотоциклы и багги, получившие огромное распространение на всей территории бывшей России и стран С.Е. За счет этого и процветало княжество. Также оружие изготовлялось в Н.Т.Р. и Московском княжестве, у которого в руках остался Тульский оружейный завод. До сих пор огромную прибыль приносил КАМАЗ и тольяттинский автозавод, выпускавший теперь в основном внедорожники, нескольких модификаций на базе Нивы, правда, очень качественные и малые грузовики. Вообще самым доходным бизнесом являлся транспорт, перевозки, торговля и производство оружия, наркотики, работорговля, а у Н.Т.Р. добыча и поставка топлива. Неплохую

прибыль давало сельское хозяйство – есть хочется всегда, вне зависимости, имеется у тебя автомат или нет. Также за девять лет очень сильно изменился климат, зима в России в центральной полосе стала очень похожа на европейскую, холодом теперь считалось пять градусов ниже нуля, но такое случалось крайне редко. В феврале, как самом холодном месяце, температура ночью колебалась от нуля до плюс пяти. Да, мир сильно изменился, и мне оставалось только найти свое место в нем, но для начала выяснить, кто я такой, что я могу, и как дальше жить.

Утром ко мне заглянул врач.

– Ну, молодой человек, как мы себя чувствуем?

– Нормально чувствуем, – кисло отозвался я, сидя на кровати и разглядывая гостя.

Доктор был невысоким полным человеком, в круглых очках и с лысеющей головой. Голос у него оказался скрипучий и неприятный. Но уж какой есть.

– А почему так грубо? – спросил он, слащаво улыбнувшись.

– Да так, настроение не очень, – отозвался я, продолжая разглядывать его.

– Ну, тогда давайте знакомится, меня зовут Александр Анатольевич.

– Восьмой, – сказал я, – ведь именно так вы меня зовете.

– Как грубо, – сказал он, словно маленькому ребенку, который обозвал его блякой. Не задерживаясь больше в дверях, он прошел в палату и уселся на единственный табурет, стоящий напротив меня. – Так как все-таки твои настоящие имя? – снова спросил он.

– Не помню, – отозвался я.

– А где раньше жил?

– Не помню.

– Сколько тебе лет? – продолжил он свой допрос.

– Ну, это просто, когда я сюда попал мне было двадцать два, – начал считать я, – значит, спустя девять лет, должно быть тридцать один.

– Так, значит что-то ты помнишь, – вынес вердикт врач. – Ну, а теперь давай посмотрим на твои зрачки.

Минут двадцать он гонял меня по разным тестам, светил маленьким фонариком в глаза, стучал молоточком по коленке, послушал дыхание, измерил пульс. В конце концов вынес вердикт:

– Вы абсолютно здоровы. Конечно, нужно пройти полное обследование, но я уверен, что кроме провалов в памяти, у вас ничего серьезного нет.

– Доктор, тогда скажите, когда меня выпишут?

– Если все будет нормально, то через неделю, – отозвался он, выходя в коридор. Потом как-то странно посмотрел на меня и спросил, – а что, ты так хочешь отсюда выйти?

– Да, – ответил я, не понимая интонации, в которой был задан вопрос.

– Странно, – сказал он и закрыл дверь.

Весь день я провалялся на койке, вставая лишь для того, чтобы поесть и сходить в туалет. Пару раз ко мне забегала Вика, узнать о моем самочувствии. Иногда заходили незнакомые доктора, смотрели на меня, как на диковинку, разговаривая между собой на своем медицинском языке, при этом употребляя огромное количество всяких терминов, которых нормальному человеку и знать-то не положено. Иногда с улицы раздавались длинные автоматные очереди, а следом либо крик, либо мат. Весь день я насиловал свою память, пытаясь вспомнить хотя бы свое имя. Но ничего не получалось.

«Интересно, – подумал я, – когда у человека есть имя, он значится во всяких картотеках, у него есть документы, жилье, работа, а вот у меня имени нет или есть, но я его не помню, так выходит, что меня просто не существует?». Эта мысль вогнала меня в глубокую депрессию, в которой я и прибывал весь остаток дня. Вечером ко мне снова заглянула Вика с какой-то незнакомой девушкой.

– Познакомься, это Оксана, – сказала она, указывая на свою спутницу. – Следующие сутки будет дежурить она, если что, обращайся.

Оглядев новую знакомую, я все же решил представится:

– Приятно познакомится, меня зовут Восьмой.

Девушка, представленная как Оксана, смотрела на меня, пытаюсь понять, шучу я, или это мое имя.

– Ну зачем ты так? – укоризненно сказала Вика, видя состояние своей знакомой.

– Что зачем? – не понял я.

– Ну, насчет восьмого.

– Вика, скажи пожалуйста, только честно, если у меня есть другое имя, то почему ты вчера назвала меня восьмым, а не Олегом, Юрой, Димой или еще как? А так я просто Восьмой.

– А как твое имя? – спросила Оксана, продолжая с интересом рассматривать меня.

– Пока только то, которое я называл. Вспомню, представлюсь, а сейчас я просто Восьмой.

Девушки, поняв что разговаривать я не настроен, тихо исчезли, прикрыв за собой дверь. Я же отвернулся к стене и сделал вид, что сплю. Дверь еще несколько раз приоткрывалась, но видя, что я никак не реагирую, возвращалась в исходное положение. Меня это пока что устраивало, говорить ни с кем не хотелось, да и не о чем. Сначала надо придумать вопросы, а потом уже начинать разговор. И я думал.

Наутро, когда дверь моей палаты открылась и в ней показался Александр Анатольевич, я уже знал главные вопросы, необходимые для моего дальнейшего существования.

– Добрый день, молодой человек, – поздоровался тот и уселся на табуретку. – Как мы себя сегодня чувствуем?

– Все хорошо, доктор, – отозвался я достаточно бодрым голосом.

– А как спите, ничего не беспокоит? – продолжил тот обыкновенный допрос.

– Да все нормально, – ответил я. – Только вопросов много накопилось, а вот ответов так и не прибавилось.

– Да? – удивленно спросил он. – Ну что ж, задавайте ваши вопросы, может быть на некоторые я и смогу ответить.

– Ну, тогда вопрос первый, как я сюда попал?

– Нет ничего проще, – отозвался врач, – вас доставили сюда вечером шестнадцатого августа с тяжелой черепно-мозговой травмой, через двадцать минут наступила клиническая смерть, в этом состоянии вы находились четыре минуты сорок три секунды, после чего вернулись к жизни, правда впали в кому. Хотите узнать, что-нибудь еще?

– Конечно, – кивнул я, – кто меня шандарахнул по голове, а также кто привез сюда?

– Кто вас сюда направил, мне неизвестно, а привезла вас «скорая», которую вызвал наряд милиции.

– Понятно, – кивнул я, – а откуда меня привезли?

– Вас нашли на проспекте Ленина, двенадцать. Личность вашу установить так и не удалось, насколько мне известно, о вашем исчезновении так никто и не заявил.

– Так, – протянул я, – значит, меня здесь никто не навещал?

Врач в знак согласия кивнул:

– Вы правы, за все девять лет вас действительно никто не навещал. Но в этом нет ничего странного, после всего, что случилось, ну, я про вирус гриппа и гражданскую войну, очень многие люди остались одни, поскольку родственники либо погибли, либо пропали без вести. Может, вы из другого города?

– Нет, я родился во Владимире, это точно. У меня еще несколько вопросов.

– Ну, если есть, задавайте? – сказал доктор, продолжая рассматривать меня.

– Вопрос первый: вернется ли моя память? Вопрос второй – что будет после того, как я выйду из больницы?

– Насчет памяти, все очень сложно, это штука хитрая – то есть, то нет, но я могу с уверенностью процентов на семьдесят сказать, что она к вам вернется, но вот когда это случится, не знает никто. А что касается второго вопроса, то вскоре вам сделают новые документы на имя, которое вы себе сами выберете и предоставят жилплощадь, денег немного дадут, а если захотите, то и работу, а если нет, найдете сами.

– Понятно. Тогда вопросов больше нет.

Доктор поднялся и направился к выходу, в дверях он повернулся и абсолютно серьезно сказал:

– Знаете, вы самый интересный пациент, который у меня был. Клиническая смерть, кома, потеря памяти, а вы выглядите, будто и не было всего этого. После комы люди не то что ходить, двигаться не могут, а как я слышал, вы сами дошли до регистратуры, причем довольно бодренько. Такое ощущение, что вы эти девять лет и не лежали здесь, а так, на обследование пришли. – Кивнув на прощание, он прикрыл за собой дверь, оставляя меня наедине со своими мыслями.

– Вот как значит, – сказал я сам себе, – документы будут, имя будет то, которое я захочу, угол дадут, денег мальца подкинут. Да, Влас, а жизнь-то налаживается... Стоп, Влас, – так меня прозвали, вот только где и кто? Ну да ладно, придет время и это вспомню, а имя для документов у меня уже есть. Жаль, только фамилии нет, ну ничего, и с этим разберусь.

Через неделю я вышел из больницы, имея на руках ключ от комнаты в одной из общаг, тысячу рублей (как мне сказали медсестры, хватит недели на три) и документы на имя Власа Комова.

Сделав два шага, я остановился. Город был мне явно незнаком, хотя нет, город-то был тот же, вот только я его таким еще не видел. Там, где раньше был целый квартал, теперь руины, такое ощущение, что я вижу кадры из Ирака или Югославии после натовских бомбардировок. Больница «Автоприбора» стоит прямо на краю города, чуть дальше только блокпост, сложенный из больших бетонных блоков, окруженный колючей проволокой, рядом с ним закопан в землю танк Т-72, от него видно только башню. Под стеной стоит БТР, сидя на нем, курят крепкие парни в камуфляже. Играет магнитофон. По дорогам носятся открытые внедорожники с установленными в кузове пулеметами. Идя по городу, который был раньше тихим и мирным, я чувствовал себя как актер на съемках боевика «Безумный Макс».

Какой идиот выделил мне комнату, до которой нужно идти через весь город? Но делать нечего, взять ноги в руки и вперед. Напевая в голове хит девятилетний давности я интенсивно вертел головой, заново изучая вывески магазинов, людей, спешащих по своим делам, новые городские достопримечательности в виде сгоревших машин и следов от пуль на стенах домов.

– Ваши документы, – раздался справа требовательный голос.

Не делая резких движений я повернулся к двум крепким парням, держащим меня на прицеле своих короткоствольных автоматов.

– Ваши документы, – еще раз требовательно повторил высокий парень с каштановыми волосами и цепким взглядом.

– Конечно, – протягивая новенькую ксиву, сказал я.

Продолжая держать палец правой руки на курке девятимиллиметрового «Бизона», он принял документ и очень ловко развернул его одной рукой. Его напарник продолжал держать меня на мушке.

– Влас Комов, – прочитал первый и пристально посмотрел на меня, сравнивая оригинал с фотографией.

– Проживает на ул. Университетской, три, ком. 820. Где работаешь?

– Пока нигде, – отозвался я и, поймав удивленный взгляд, тут же пояснил, – только сегодня вышел из больницы, девять лет в коме провалялся.

– Ни хрена себе! – отозвался второй, отводя от меня ствол своего «Бизона». – Витек, это, похоже, про него Стас рассказывал.

– Помню, было такое, – кивнул Витек. – Ты Стаса знаешь?

– Видел раз, нормальный парень, выпить дал. Он на звук моего падения прибежал, за секунду до этого я узнал, что провалялся в кровати девять лет.

– Все сходится, – сказал Витек, возвращая мне документы. – Ну и как тебе город?

– Честно, я любил тот, который видел до комы, а к этому, – мои глаза проводили «Ниву» с пулеметом на борту, – не привык еще.

– Ничего, – сказал второй, – Владимир – не самый плохой вариант, вот если бы в Рязанском княжестве очнулся, то я бы за твою жизнь и рубля бы не дал, попал бы в рабы и сгнил бы в какой-нибудь нарко-лаборатории, рассыпая героин или еще какую дрянь по пакетикам. Или выкинули в клетку гладиатором. Кстати, меня Серегой звать, а это Витек.

– Влас, – еще раз представился я.

– Слушай, – оглядев опустевшую улицу, сказал Витек, – давай-ка мы тебя проводим, а то комендантский час скоро, еще прицепятся. Нам все равно с тобой в одну сторону.

– Не возражаю, – улыбнувшись, согласился я, – тем более я пока плохо представляю себе окружающую обстановку.

– Заметно, – сказал Серега, – а то вышел бы с утра, а не к вечеру или в больнице так фигово?

– Да нет, нормально, – отозвался я, стараясь шагать со скоростью моих новых знакомых, – Просто я там девять лет провел, пусть и не помню, а все равно тошно.

Так, разговаривая, мы неторопливо шли к бывшей общаге ВГПУ. Иногда в отдалении слышались выстрелы, я, непривыкший к такому, постоянно вздрагивал, мои спутники реагировали на них совершенно спокойно.

– Ребят, а как в городе с работой?

– Работы много, – ответил Виктор, а потом после небольшой паузы иронично добавил, – хорошей мало.

– А какая хорошая? – спросил я.

– Ну, в дружинниках хорошо, – и он указал на свою нашивку со словом «Витязь», – на заводе здорово, но туда абы кого не берут, в торговле тоже все ниши заняты, еще в мастерских по ремонту машин неплохо платят. Вроде все, остальная считается не работой, а говном. Ты чего умеешь делать? Чем занимался до комы?

– Не помню, – осознавая невеселую перспективу, грустно ответил я.

– Да, тяжело тебе придется, – сказал Серега, – даю бесплатный совет, завтра же иди на биржу труда и вставай на учет. На вопросы, чем занимался, отвечай всем. Скажи, что стрелять умеешь.

– Но я же не знаю, умею или нет.

– А это неважно, – заверил меня Виктор, – у нас вчера «Нива» с тремя ребятами подорвалась на фугасе, так что в отряде есть две вакансии, завтра капитан поедет на биржу, людей подбирать. Я с ним обычно езжу, как охранник, так что если будешь там к десяти утра, я на тебя укажу. Скажу, что годишься.

– Виктор, спасибо, конечно, но что будет, если я тебя подведу? Окажется, что и стрелять не умею и вообще к службе негоден.

– Таких не бывает, – хитро сказал Серега, – он меня подобрал, когда я электрику чинил, и ничего, неделя в тренировочном лагере, куда всех новичков отправляют – солдат готов. А ты парень крепкий, справишься. Да и не так сложно это.

– Спасибо вам, – сказал я, понимая, что жизнь потихоньку налаживается, – завтра в девять буду на бирже, как штык.

– Вот и ладно, – сказал Виктор. – За это с тебя бутылка и мы в расчете. К тому же будет у нас в отряде своя знаменитость. Шутка ли, девять лет в коме и абсолютно здоров.

– А откуда ты знаешь? – удивился я. – Ведь сам только вчера анализы увидел.

– Да все просто, – хитро улыбнулся он. – Оксана, медсестра, моя жена.

– Вот так сюрприз.

– А я думал, Стас рассказал, ведь он, по-моему, вчера дежурил.

– Не он, – улыбнулся Виктор. – Еще она сказала, что ты Вике очень понравился, девчонка перед тобой и так, и сяк, а ты ноль внимания.

– Прости, – сказал я, – но мне сейчас как-то не до девчонок, в голове бардак, в жизни тоже. Вот обустроюсь и об этом подумаю, а сейчас ни-ни.

– Ну, как знаешь, – кивнул Витя, – рано или поздно все равно в больницу загремишь, либо на дежурство, либо пациентом. А поскольку госпиталь у нас один, то с Викой еще не раз столкнешься. Кстати, мы пришли, – и он указал на недалекое здание, – тебе туда, если чего купить надо, магазин прямо за общагой. Комендантский час с одиннадцати и до пяти, мой тебе совет, лучше в это время на улицу не ходи. Да и вообще лучше без документов из комнаты не вылезай, даже если на кухню, чайник поставить.

– Учту, – пожимая ребятам руки, серьезно сказал я, – ну, до завтра.

– До завтра, – кивнули парни, – удачи, Влас.

Первый вечер прошел тоскливо. В магазинчике, который находился поблизости, оказался очень небогатый выбор, пришлось ограничиться батоном, банкой тушенки и палкой копченой колбасы, сомнительного качества. Еще я прикупил себе чашку, тарелку и столовый набор для одной персоны: вилка, ложка, нож. Показав вахтеру пропуск, я поднялся по жутко засраной лестнице на восьмой этаж, заглянул на кухню, где курили двое парней, поздоровавшись, направился к себе. Дверь в мою комнату выглядела печально, сразу видно – к последнему жильцу наведывались дружинники, не дверь, а сплошное решето с отверстиями 5,45. Замок еле работал и, прежде чем открыть, я провозился с ним около десяти минут. Справившись с чудом техники хрен знает какого века, я заглянул к соседям и попросил чайник.

– Конечно, конечно, – улыбнулась мне довольно милая женщина лет тридцати, назвавшаяся Тамарой, в юбку которой как клещ вцепился симпатичный шестилетний пацан.

Раздобыв чайник, пришлось сходить на четвертый этаж за водой, так как выяснилось, что до восьмого она просто не доходит. Спустя час на шатком столе, разменявшим, наверное, уже не одно десятилетие, стоял стакан с чаем, а рядом лежала стопка бутербродов. Да, нечего сказать, лег спать в одном мире, проснулся в другом. От увиденного за день, голова шла кругом. Границы города сильно изменились, за время моего «сна». Владимир сильно сократил свою площадь, на ключевых точках стояли блокпосты, усиленные танком или БТРом. Всего, как мне сказали мои новые знакомые из «Витязя», в городе двенадцать таких стационарных блокпостов. Население Владимира примерно около ста двадцати тысяч, и на город примерно приходится около пяти тысяч дружинников, не считая личной охраны князя, и нескольких частных охранных агентств. Для поддержания порядка и отражения налетов беспокойных соседей этого вполне достаточно. В основном, вся жизнь концентрируется в центре города: дорогие магазины, бары, дискотеки, казино, гладиаторская арена, бордели – все сосредоточено на квадратном километре. Так что чтобы развлечься по полной программе далеко ходить не надо. Пока что у Владимира со всеми соседями мир, несколько приبلудных банд не в счет. Но все чаще на дорогах рвутся машины и исчезают караваны. По мнению Сергея и Виктора, ориентирующихся в этом мире лучше меня, скоро будет большая кровь и многие из княжеств поменяют своих правителей.

– Влас, вы дома? – раздался из-за двери женский голос, моментально вернувший меня из страны ДУМ.

– Да, входите, не заперто, – отозвался я, вставая навстречу соседке.

– Простите, что потревожила, – еще раз одарив меня загадочной улыбкой, сказала она, – но может вам еще что-то надо? У меня это совсем не дорого.

– Как ни будь в другой раз, – поняв, чем Тома зарабатывает на жизнь, отозвался я. – Да и денег у меня не густо.

– А ты симпатичный, – закрывая дверь, сказала она, приблизившись ко мне, – так и быть, тебе только сегодня скидка – пятьдесят процентов, и с тебя всего семьдесят рублей.

Я уже успел посмотреть цены в магазинах, где батон стоил пять рублей, а банка тушенки восемнадцать и понял, что услуги проститутки здесь стоят дорого. Но скидка была заманчива.

– Секунду, Тома, – сказал я, указывая на кровать и беря в руки электронные часы с будильником, подаренные врачом по случаю моей выписки. Семь ноль-ноль, полчаса на то, чтобы привести себя в порядок и поесть, еще полчаса, чтобы дойти до биржи, ну, а там видно будет. Достав из кармана деньги и отсчитав оговоренную сумму, я положил их на стол, затем стукнул по выключателю и, погрузив комнату во мрак, сел на кровать.

– Как это будет? – тихо спросил я.

– А ты что, никогда за это не платил? – раздался удивленный голос.

– Да как-то все не с руки было? – ответил я, тут же почувствовал, как ловкие руки женщины расстегивают брючный ремень, а в паху тут же появилась хорошо знакомая, но давно забытая тяжесть.

Назойливый звук будильника, играющего какую-то противную мелодию, выдернул меня из кровати ровно в семь, спать хотелось жутко, но делать нечего, надо собираться.

Старая советская электробритва, подаренная мне доктором, работала исправно, по ходу дела, она досталась мне от пациента, который так и не вышел из больницы. Позавтракав бутербродами с чаем и немного помучавшись с замком, при этом решив, как можно быстрее его поменять, я направился на биржу.

– Кто последний? – окликнул я народ, стоящий перед закрытыми дверьми.

– Я, – отозвался неопрятный мужик с кулаками размером с детскую голову. – А ты чего хотел?

– Работу, – не очень дружелюбно отозвался я, прерывая дальнейшую дискуссию.

– Ты эта, не груби, – сказал он поведя плечами. – У нас таких не любят.

– А я не красна девица, чтоб ты меня любил, – отрезал я, – мне нужна работа, а не твои расшаркивания.

– Ну, баран, ты меня достал, – взревел детина и, наклонив голову, попер на меня.

Я был выше, но килограмм на десять легче, да и в плечах меня эта рама сильно превосходила. А «гроза» приближалась. Кулак моего противника, словно выстрел из пушки, понесся к моему лицу. «Сейчас убьет», – подумал я, пытаясь увернуться. Как ни странно, но мне это удалось. Вокруг нас уже собралась толпа, круг, образованный ею, был не широк, метров пять, долго не побегаешь, а детина все больше раздражался. Его удары носили беспорядочный характер, этот громила привык побеждать за счет силы: попал хорошо, не попал – попаду позже. Уворачиваясь от него, мне удавалось держать дистанцию, но вечно это продолжаться не могло, удар сотряс мой живот так неожиданно, что я даже не успел напрячь пресс. От скрутившей меня боли глаза стали вылезать из орбит, ноги подогнулись и я медленно осел на асфальт.

– Эй, поднимайся, – закричали из толпы.

– Или ты дерешься, или проваливай отсюда, – донесся до меня другой голос.

Я открыл один глаз, сквозь мутную пелену увидел противника, ходящего вокруг меня кругами и извергающего не то рев бешеной гориллы, не то рык льва, которому дверью хвост защемили. Странно, боли почти нет, и сейчас я мог с полной уверенностью сказать, что перенес удар мордоворота почти без последствий, если не считать то, что валяюсь на асфальте.

– Эй ты, образина, – поднимаясь, позвал я, – давай попробуем еще раз.

– Ты сам захотел, – заревел тот и, наклонив голову, бросился ко мне. Действовал он по старой схеме – часто и сильно машем большими кулаками, а то, что не попадаем – не беда.

«А что если вот так»? – подумал я и прекратил пятиться.

Мой противник ничего не замечая, выбросил правую руку с огромным кулаком прямо мне в голову. Но я был готов к этому, повернулся слегка боком, пропуская его кулак слева, а потом со всей дури дал с правой в печень. Тот остановился, словно врезался в бетонный столб, обвел зрителей мутным от боли взглядом и попытался поднять руку для удара.

– Ну, сам захотел, – сквозь зубы прошипел я и, слегка присев, врезал кулаком прямо в солнечное сплетение, а когда тот согнулся, апперкотом разогнул его обратно, а левой отвесил достаточно приличный хук, от которого по асфальту заскакали зубы. Зашатавшись, мой противник еще раз обвел всех мутным взглядом и рухнул. Ни о каком продолжении боя речи и быть не могло, он выбыл из строя минут на двадцать. Зрители же никаких претензий не высказывали. Тут мне протянули несколько сигарет и зажигалок, кто-то одобрительно хлопнул по плечу. А один не очень высокий, но достаточно крепкий мужик, лет сорока, протянул для рукопожатия руку.

– Добро пожаловать, – улыбнулся он, видя мою нерешительность, – через это все новички проходят. Никита, – он мотнул головой в сторону тела, которое уже успели оттащить подальше от входа на биржу, – местный заводила, он ко всем пристаёт, вот только еще ни разу я не видел, чтобы он так валялся. Кстати, меня зовут Дмитрий Александрович, но для тебя просто Дима.

– Влас, – пожимая руку собеседника, представился я.

– На какую работу рассчитываешь? – переводя разговор в мирное русло, спросил мой новый знакомый.

– На приличную, – отозвался я, стараясь не вдаваться в детали.

– Ну, тогда ты не по адресу, – продолжил Дима, – вся приличная работа только по знакомству, здесь же самая приличная и доходная должность – мусорщик.

– Ты шутишь? – не поверил я.

– Нет, Влас, – отозвался он, – мусорщики – люди уважаемые, некоторые смогли себе такую карьеру сделать, что закачаешься.

– Это как? – не понял я.

– Да все просто, у нас об этом не принято говорить, но для тебя сделаю маленькое исключение. Так вот, иногда в мусоре попадаются очень интересные предметы – это путь номер один. Если покажешь себя с хорошей стороны, то на тебя выйдут серьезные люди, для которых ты будешь вывозить из города разные вещи – это путь номер два.

– Интересно, но я рассчитываю на большее, может повезет и сегодня я найду действительно приличную работу.

– Ну, желаю успеха, – скептически заметил мой новый знакомый. – Пошли уже, биржа открывается, – и, потянув меня за рукав, он поднялся.

Заполнив обычную анкету, следуя инструкции, полученной вчера от Виктора, я встал в очередь. В этот момент двери распахнулись и в зал вошел подтянутый, прямой, как копье, мужик в камуфляже с нашивкой «Витязь» на правом рукаве и капитанскими лычками. Сзади него я заметил своего вчерашнего знакомого, на рукаве у него красовались нашивки сержанта. Виктор тоже увидел меня, но виду не подал.

– Ну и отбросы, – сплюнув на пол, сказал капитан. – Вить, подбирай двоих, а я тебя в машине подожду. – и, развернувшись, он вышел из зала.

Оставшись один, Виктор подошел к моему недавнему собеседнику.

– Имя? – спросил он.

– Дима.

– Сколько лет?

– Двадцать восемь, – не задумываясь, ответил мой знакомый.

«Ни хрена себе, – подумал я, – помотала его жизнь, если он в двадцать восемь выглядит на все сорок».

– Стрелять умеешь? – продолжил свой допрос Виктор.

– Да, – ответил Дима.

– Справка о здоровье?

– Вот, – Дима протянул сержанту сложенный вчетверо лист.

Какое-то время тот пристально изучал его, наконец вернул владельцу.

– Годишься, – вынес свой вердикт Витя, – иди к двери и жди меня там. – Проводив Диму глазами, он направился вдоль очереди, выдергивая из нее то одного человека, то другого, но всех отправлял обратно. – Ты, – его палец уперся мне в грудь. – Стрелять умеешь?

– Да, – негромко отозвался я.

– Звать как, где живешь?

Я назвал имя и адрес.

– Справка о здоровье имеется?

Я протянул сложенный пополам лист. Виктор быстро пробежался по содержимому глазами и вернул мне.

– Хорошо, иди за мной, – кивнул он в сторону дверей и, крутанувшись на каблуках, направился к выходу.

В это время дверь распахнулась и в нее влетел мой недавний противник. На побитой роже было написано только одно слово – «смерть».

– Убью, – зарычал он и, не замечая сержанта, который схватился за кобуру со Стечкиным, бросился на меня.

Решение пришлось принимать мгновенно: шаг в бок, пропускаю разъяренную громадину мимо себя, ставлю подножку и, когда тело Никиты начало падать, добиваю кулаком в затылок. Мой противник рухнул, как подкошенный, и больше не шевелился. Один из зевак, стоящих в очереди, осторожно, бочком подошел и потрогал пульс.

– Мертв, – искоса глядя на меня, заявил он.

Все замерли, Витька стоит с пистолетом в руке, держа на прицеле зал, искоса поглядывая на меня, охранник биржи смотрит на тело, валяющееся на полу, туда же смотрят и остальные.

– Что происходит? – спросил Виктор, подходя к охраннику.

Тот что-то не очень громко сказал, Витька оглянулся, посмотрел на меня, на тело, лежащие на полу, затем на охранника. Потом развернулся и направился к дверям, махнув рукой, мол, пошли, чего встали. Мы с Димой переглянулись и направились следом. В дверях, пропустив нас мимо себя, Виктор обернулся к охраннику:

– Прибери здесь, – сказал он, – об остальном не беспокойся, я все улажу.

Тот козырнул и указал на тело двум ближайшим работягам. Те кинулись исполнять приказание. Двери закрылись, и дальнейшего я не видел.

– Нормально ты его, Влас, свалил, – проходя мимо меня сказал сержант, – если бы я знал, что ты так можешь, еще вчера отвел бы тебя в отдел.

– Вы знакомы? – шепотом спросил Дима, пристраиваясь справа от меня.

– Ну да, вчера познакомились, и Виктор, – я кивнул на идущего впереди сержанта, – посоветовал прийти сюда.

– Так вот про какую приличную работу ты говорил, – еще тише сказал мой новый знакомый, – ты знал, что витьязи будут набирать людей?

Я кивнул и задумался о произошедшем. «Только что я убил человека и не испытываю по этому поводу никаких угрызений. А может, я просто не помню, может, мне и раньше приходилось убивать? Тогда чем я занимался в прошлой жизни? Определенно я немного владею рукопашным боем, но этому можно научиться в любой секции, я же с легкостью вырубил этого парня. Может, я еще чего умею, только не помню об этом?».

– Садитесь назад, – раздался рядом со мной голос Виктора.

Я оглянулся, мы уже вышли на улицу и идем к покрашенной в камуфляжный цвет «Ниве» – салон на четыре места, сзади небольшой открытый кузов, на специальном столбе наварен станок для ПК. Пулемета там сейчас нет, но это точно станок для ПК. Рядом с машиной стоит капитан и рассматривает нас.

– Ничего, – сказал он, указывая на Диму. – А вот этот, так себе, – его колючий взгляд скользнул по мне и перешел на Виктора.

– Между прочим, – заметил мой знакомый, – «этот так себе», только что одним ударом убил мужика тяжелее его килограмм на двадцать.

– Ну-ка, поподробней, – сказал капитан, разглядывая меня с нарастающим интересом.

Выслушав Виктора, он посмотрел на меня.

– Это правда?

– Ну, только часть, – ответил я, пожимая плечами.

– Он вырубил его дважды, – вступился за меня Дима, – один раз на улице перед открытием, второй – в зале. Никита, покойник, местный заводила, обычно приставал к новичкам. Сегодня был первый раз когда его кто-то смог свалить. Еще когда биржа закрыта была, он набросился на Власа с кулаками, а тот его положил. Видать, не смог Никита забыть обиды.

– Интересно, – сказал капитан. – Служил раньше?

– Не помню! – ответил я.

– То есть, как не помнишь? – удивился капитан.

– Да я только вчера из больницы вышел, – начал рассказывать я, – девять лет в коме пролежал, о прошлой жизни лишь обрывочные воспоминания.

– Н-да, – только и смог выдавить из себя капитан и уселся вперед на место пассажира. – А вы чего встали? – обратился к нам Виктор. – Я же сказал, назад садитесь. – И, хлопнув дверью, уселся за руль.

Глава 2

Отделом оказалось крепкое двухэтажное здание, бывшее раньше магазином. Некогда большие окна заложены кирпичом. У входа врыт в землю старый БТР, по виду у него на ходу осталась только одна вещь – башня с пулеметом КПВТ калибра 14,5 мм. Корпус же был разворочен взрывом.

Загнав машину во двор, Виктор повернулся к нам.

– Сейчас оформим ваши документы, а потом отправим на базу, неделя подготовки и, если вы ее выдержите, добро пожаловать в отряд. Вопросы?

– Господин сержант, у меня вопрос, – подал голос Дима.

– Да?

– Из отделения можно будет позвонить, предупредить жену, а то волноваться станет.

– Конечно, – ответил Виктор, выходя из машины, – вы же не арестованы.

Через час миловидная девушка, из гражданских, закончила подшивать наши дела, поставила нас на довольствие и пожелала удачи. На тренировочную базу нас вез Сергей.

– Ну, что я тебе вчера говорил? – сбавив скорость возле очередной ямы, сказал он мне. – Все получилось, ты почти в отряде, к тому же сумел отличиться, укатав того борова.

– Серега... Не возражаешь, если я так тебя называть буду?

– Не вопрос, – отозвался наш водила, прибавляя скорость на более-менее ровном отрезке дороги.

– Так вот, Серега, я не хотел его убивать, просто, наверно, попал в нужную точку и все. Но убивать не хотел.

– Да ладно, я тебя что, обвиняю? – улыбнулся он. – Убил и убил, к тому же я так понял, ты был в своих правах.

База располагалась в районе «холодильника», там когда-то был хладокомбинат, отсюда и название. Громадный сектор, заполненный огромным количеством разнообразных складов. И когда показался бетонный забор, я успел насладиться разбитыми дорогами и безрадостными пейзажами руин, в которые превратились дома, стоящие прямо на окраине города. Сергей подъехал к массивным металлическим воротам и дважды просигналил. С минуту ничего не происходило, потом в воротах открылась небольшая дверца, из которой появились парни с автоматами наперевес. Увидев за рулем Сергея, один из них улыбнулся и махнул рукой, мол, все в порядке – свои. Его сопровождающие опустили оружие, а ворота поползли в сторону. Базой оказалась территория огромного склада, вдалеке виднелась полоса препятствий, метрах в ста от ворот стояли два длинных одноэтажных здания.

– Тир, казарма, дальше полоса препятствий и тренировочный зал – указал Серега. – Поехали, сдам вас начальнику.

Начальником оказался немолодой мужик невысокого роста с нашивками майора.

Переговорив с ним, Сергей пожелал нам удачи, сказал, что звать нашего командира Виктором Петровичем, и укатил.

– Ну что, давайте знакомиться? – спросил майор, подходя к нам. – Звать меня будете Виктором Петровичем, или господин майор. Распорядок дня у вас жесткий: подъем в пять утра, полоса препятствий, затем рукопашный бой, дальше тир, после теоретические занятия по праву и нескольким другим дисциплинам. После семи – свободное время, занимайтесь, чем хотите, но сами понимаете, с территории базы ни ногой. Драк не устраивать. За нарушение дисциплины вас ждут плети. Кто из вас Влас Комов?

– Я, господин майор.

– Ваша койка номер тринадцать. А вы Дмитрий Чубаров?

– Так точно, господин майор, – вытягиваясь в струнку, отчеканил Димка.

– А ваша койка двенадцатая. Зайдите на склад и получите камуфляж. Вопросы?

– Да нет, – пожал я плечами, – вроде все ясно. Хотя, пожалуй, один все-таки есть, как насчет еды?

– Все просто, в конце казармы дверь, там есть небольшая столовая, завтрак пятнадцать минут шестого, обед в час, ужин в восемь.

– Спасибо, Виктор Петрович.

– Не за что. Сегодня силовых у вас не будет, так что после обеда жду вас на теоретических, это с другой стороны казармы, класс рядом со складом. А теперь – марш за камуфляжем.

Через двадцать минут мы с Димкой переодетые в новенький камуфляж и берцы направились в столовую. Обитые жестью столы, алюминиевые миски с супом из тушенки, на второе макароны.

– Ну что, Влас, по-моему жить можно, – облизнув ложку, сказал Димка.

– Да ничего, – отозвался я, беря стакан с чаем, – кормят, поят, вроде нормально.

– Нормально, – усмехнулся мой напарник, – ты бы видел, что приходилось после эпидемии жрать, мне тогда лет восемнадцать было, так вот, мы с друзьями кошек с голубями ели, а тут тушенка – пища богов. Тебе повезло, что в больнице провалялся, – сказал он после небольшой паузы. – Кома, конечно, не самое приятное, но ты не видел того, что творилось на улицах. Ежедневно из города трупы вывозили, пять-шесть машин, в самый пик эпидемии в день умирало больше тысячи человек. Иду как-то по улице, впереди меня мужик топает, и вдруг просто берет и падает. И таких знаешь сколько было?

– Ты серьезно?

– Да чтоб мне гриппом этим заразиться, – отозвался Димка. – А потом гражданская началась. Город просто взорвался, везде вооруженные люди, стрельба, взрывы. Все против всех.

Аптечные склады, которые охраняли вояки, толпа просто смела. Прежде всего хватали антибиотики и наркоту, потом пришла очередь оружейных складов в военном городке и мотострелковой части, расквартированной в районе «Доброго». Менты еще раньше перешли на сторону бунтовщиков, а вояки выполняли приказы из Москвы. Оно и понятно, менты-то местные, у них в городе жены, дети, родня, а у вояк никого, все срочники или контрактники.

– А потом? – спросил я.

– А спустя несколько месяцев Аркадиев, ну главарь самой сильной группировки, объявил себя князем, а Владимирскую область отдельным княжеством. Мы были первыми. Москва с такой постановкой вопроса не согласилась и бросила против нас дивизию. Бои шли страшные. Нижняя Дуброва, как район, просто перестала существовать, до Буревестника сплошные руины. Да что говорить? Ты и сам видел, когда сюда ехал. Нас, конечно бы, задавили, но в это время восстала Тула, да и в самой Москве начались беспорядки, так что нас оставили в покое. Вот так и живем. А год спустя в город из Коврова эвакуировали завод имени Дегтярева, его разместили на бывшем тракторном заводе, а частью на «Автоприборе». Мы теперь почти что монополисты по производству оружия и багги. Нам еще повезло, в княжестве от вояк осталось много танков и БМП, часть, конечно, потеряли, но остальные пока что на ходу. Все, хватит, пошли к майору, еще успеем поговорить.

Первое занятие по теории права меня просто шокировало. Я-то все думал, как за неделю можно объяснить кучу законов? Да просто: основных законов осталось всего тринадцать, система преступления и наказания была упрощена до предела и укладывалась в пятидесяти-страничную брошюру.

– Вор, убийца, насильник, пойманный на месте преступления, должен быть расстрелян на месте.

– Офигеть, – только и смог сказать я, услышав от майора эту фразу.

Дальше веселее. Дружинники князя имели право стрелять на поражение в случае малейших подозрений. За нарушение комендантского часа можно схлопотать пулю или загреметь на исправительные работы, здесь все зависело от дружинника, проводящего задержание. По сути дела закон чистая условность, городом правила банда. Когда ей было выгодно соблюдение законности, она их соблюдала, а на нет – и суда нет. Но несмотря на такой закон, порядок в городе был железный. Как же прав человек, который сказал, что «только в тоталитарном государстве девушка может пересечь город из конца в конец ночью, не боясь при этом быть изнасилованной». Также в княжестве проводились публичные наказания, все их называли просто «плети». На главной площади города, некогда носившей гордое название «Соборная», каждую субботу в десять часов утра проводилось наказание людей за незначительные проступки. К таким относилось мелкое воровство, драки в людных местах, неподобающее поведение, употребление наркотиков, хроническое пьянство. По словам майора подобные наказания люди запоминали намного сильнее, нежели штрафы, увещания и прочую психологическую бредятину. К тому же следы, оставленные плетью, не проходили бесследно, оставляя на спине толстые шрамы, которые после наказания портили личное дело человека, навсегда запрещая ему занимать ответственные посты, владеть оружием, водить машину.

– Вот вам для статистики, – сказал майор, бросая на стол несколько листов.

Взяв бумагу и вчитавшись в содержимое, я слегка обалдел. За прошлый год по Владимиру было зарегистрировано восемнадцать изнасилований, причем восемь групповых, все преступники понесли заслуженное наказание, всего тридцать шесть человек. Двадцать одно ограбление, преступники казнены. Краж – сорок две, нераскрыто четыре. Преступники осуждены. Убийств семьдесят одно, все преступники осуждены, и т.д. Преступники осуждены, преступники осуждены...

«Преступники осуждены», – вертелось в моей голове. В российских городах о такой статистике в начале двадцать первого века милиция могла только мечтать. Ради интереса я даже

попробовал подискутировать с майором. Оказывается, Серега предупредил обо мне, и Виктор Петрович разъяснял для меня, как для малого ребенка. Хотя о этих законах знали даже малые дети.

– Пойми, – сказал он в конце нашей небольшой дискуссии, – эти законы – следствие на ситуацию. То, что здесь творилось в две тысячи седьмом, описать просто невозможно, бумага не вытерпит. Князь нашел самое лучшее средство борьбы – страх. Пока преступники боятся, княжество существует.

– Но ведь могут пострадать невинные, – возразил я, – ведь разбираются не следователи, а такие, как я, и прямо на месте.

– Да, – кивнул он, – твое слово – закон, но если ты будешь поступать по правде, то одним честным человеком станет больше. Беспредельщики у нас не задерживаются, их казнят свои же.

– Вы серьезно?

– Абсолютно, – сказал он, – последняя страница, посмотри предпоследний абзац.

Я взял листы: «...за превышение полномочий казнено тридцать два человека: восемнадцать рядовых, двенадцать младших офицеров (от лейтенанта до капитана), один подполковник и один полковник...». Видя, что я прочитал, майор напоследок заметил:

– Запомни, если ты будешь действовать по закону, то на одного хорошего дружинника будет больше, а если нет – угодишь в этот список, и я буду рассказывать о тебе другим парням, что займут твое место. А сейчас поговорим о «Витязе». Во Владимирском княжестве несколько подразделений и у каждого свои функции. В каком-то смысле «Витязь» уникален. Основной его задачей является сопровождение автокараванов, его привлекают для патрулирования княжества и поддержания порядка в городе. Но все же основное время вы будете проводить в дороге. А там закон один – стреляй во все, что движется, иначе домой вернешься в кузове грузовика. Если в городе относительно тихо, то на трассах только за полгода было больше ста нападений. Те ребята, вместо которых вы сюда пришли, подорвались на фугасе километрах в ста от Владимира. Я их тоже обучал, да, видать, плохо они меня слушали. В основном на трассе вас ждут фугасы и стрелковые дуэли. У бандитов нет ничего тяжелее калашей, но дважды было зафиксировано применение тяжелой бронетехники. Так что, там надо глядеть в оба. А теперь отправляйтесь в тир, посмотрим, чего вы стоите. Оружие-то в руках держали?

– Я – да? – сказал Димка, поднимаясь и направляясь к двери.

– А ты? – спросил майор.

– Не помню, может быть.

– Ладно, – задумчиво сказал Виктор Петрович, – сейчас проверим. Знаешь, невозможно забыть три вещи: как трахаться, кататься на велосипеде и стрелять – это уже не в голове, это в крови.

Тир на базе был просто шикарный, около двухсот метров в длину, с оборудованными по высшему разряду огневыми рубежами и собственным оружейным складом. В нем пахло порохом и ружейной смазкой. Мне показалось, что все это уже со мной происходило. Но память упорно отказывалась сообщать, где и когда. Оставалось надеяться, что рано или поздно я вспомню.

– Андрюха, хватит дрыхнуть, – крикнул майор, подходя к пуленепробиваемому стеклу, за которым на обычном канцелярском столе спал высокий жилистый парень в натовском комке.

– Петрович!? – полу утвердительно, полу вопросительно и слегка обвинительно сказал он. – Ну чего тебя принесло? Только что ребята из «Легиона» отстрелялись, дай поспать.

– Ночью спать надо, – сказал майор тоном, не терпящим возражений, – а то взяли привычку по как стемнеет шараться по борделям. Ночью гуляем, а днем спим. Давай, принимай

новичков. Выдай им полный комплект: «Макаровы», «Стечкины», «бизоны», калашы, патронов тоже не жалея.

– Ладно, забирайте, – и он начал выкладывать на стойку весь требуемый арсенал. – Да наушники надеть не забудьте, – крикнул он вдогонку и, надев свои персональные, загрузил в программу компа голографические мишени. – Все, можете начинать.

– Дмитрий, ты первый, – приказал майор, кивая на огневой рубеж, – дистанция двадцать метров, возьми Макаров.

– Слушаюсь, – по военному гаркнул Димка и, схватив пистолет, передернул затвор. – Готов, – доложил он.

– Начали, – скомандовал Петрович.

Выстрелы разорвали тишину тира, как гром майский вечер. Димка стрелял с двух рук, стараясь удержать непослушный пистолет.

– Стрельбу закончил, – доложил он, опустошив обойму.

– Пятьдесят четыре процента, – крикнул Андрей, – три в туловище, один в голову, остальное мимо.

– Приемлемо, – кивнул майор, – я видал и хуже. Влас, твоя очередь.

Я неуверенно подошел к столу, на котором были разложены смертоносные машинки. Взяв в руки Макаров, неожиданно ощутил знакомую тяжесть, как будто в руках лежало что-то родное, но давно забытое. Пройдя к рубежу, глянул на голографический профиль человека. Такое ощущение, что я это уже видел, а возможно и делал, вот только где и когда? Передернув затвор, опустил руку с пистолетом вниз.

– Готов, – крикнул я.

– Начали, – раздалась знакомая до боли команда.

Рывком поднимая пистолет на уровень глаз и молниеносно выпускаю весь магазин, три пули в тело, три в голову, одна в правую руку, одна в левую. Неожиданно включившиеся внутренние часы, подсказали три и две десятых секунды. «Не так уж и плохо», – сказал я сам себе и повернулся к майору. Тот выглядел немного ошарашенным.

– Не помнишь, говоришь? – улыбнулся он. – А вот руки помнят.

– Девяносто восемь процентов, – крикнул Андрей, заинтересовано глядя на меня из-за стекла. – Все смертельны, кроме тех, что по конечностям, последняя пуля чиркашом руку задела.

– Не беда, главное зацепить силуэт, – довольно сказал Виктор Петрович. – А с чем еще можешь?

– Не знаю, – пожимая плечами, ответил я.

– Ну-ну, – отозвался он, – возьми-ка Стечкин.

Взяв оружие, я сразу вспомнил все его достоинства и недостатки, словно в книге прочел: большая емкость магазина, высокая скорострельность, стрельба короткими очередями; правда при этом многовато недостатков: большой вес, малая мощность патрона, невозможно держать двумя руками.

– Мишень на отметке тридцати метров, – услышал я голос Андрея.

«Ну, тридцатник, так тридцатник», – подумал я и нажал на спуск. Руку тряхнуло, потом еще раз и еще.

– Стрельбу закончил, – опуская оружие, сказал я.

– Семьдесят один процент, – присвистнув, произнес хозяин тира. – Петрович, где ты откопал это сокровище? У нас даже лучшие стрелки из Стечкина больше пятидесяти шести не выбивают, тем более очередями.

– Он сам пришел, – отозвался Петрович, глядя на меня.

Его взгляд красноречиво говорил – а что ты еще можешь?

Я прошелся вдоль стола с оружием и взял «Бизон», маленький и очень аккуратный пистолет-пулемет, сделанный на основе и из деталей Ак-74У под патрон от ПМ. Было еще несколько модификаций, например, под патрон 7,62 от ТТ и под 9х19 "Parabellum", они и помощнее и по точности превосходят вариант под ПМовский патрон, но придется стрелять из того, что дали.

Подойдя к стенду я изготовился к стрельбе, определив расстояние на глазок, всего метров сорок. Я расстрелял первый магазин на вскидку, второй от бедра.

– Ни хрена себе, – выплывая из шока, сказал Андрей, – первый магазин семьдесят девять процентов, второй – шестьдесят четыре. Я такого еще не видел.

– А Калашников? – спросил меня майор.

– Восемьдесят пять на расстоянии до ста метров и шестьдесят пять процентов до ста сорока – назвал я всплывшие в голове цифры.

– Быть не может! – не поверил Андрей.

– В какой кабинке мишень в ста метрах? – спросил я, беря в руки АК-103 калибра 7,62.

– В третьей, – отозвался хозяин стрелкового рая.

Я быстро подошел к названному рубежу и в течение нескольких секунд расстрелял магазин.

– Восемьдесят четыре, – еле вымолвил офигевший от представления Андрей. – Парень, тебе здесь делать нечего.

– А мне тут нравится, – отозвался я.

– Дима, твоя очередь, – указывая на кабинки, сказал Виктор Петрович. – Программа та же. Только повторить не пытайся, не выйдет, стреляй, как можешь.

Дальше я не совалясь, отошел к стене и присел. Мысли в голове летали со скоростью километров триста в секунду и не давали ухватить себя за хвост. Откуда я все это знаю? Ведь я не помню, как учился или служил, не помню, чем занимался, а тут сходу показал прекрасный результат. Да, майор был прав, это, как на велосипеде, сел и поехал. Остается узнать, кто я.

– Ты идешь? – тронув меня за плечо, спросил Дима.

– Иду, конечно, на сегодня все или еще что будет? – поднимаясь, спросил я.

– Нет, майор сказал отдыхать, а завтра с утра силовая, потом у меня тир, а у тебя свободное время. Делай, что хочешь.

Свободное время в лагере коротали просто: телевизор да карты. Войдя в казарму я слегка опешил. Я и не думал, что в лагере сейчас находится столько народу: пятеро крепких парней, сидя за столом, играют в дурака на сигареты, еще человек десять валяются на кроватях – кто читает, кто смотрит телевизор. Подойдя к своей койке, я обнаружил, что она занята небритым типом уголовной наружности.

– Прости, но ты занял мою кровать, – спокойно сказал я, бросая куртку на спинку и поворачиваясь к парню.

– А мне по х...ю, – не глядя на меня, отозвалась харя, уставившись в телевизор.

Я, обернувшись, взглянул на Димку.

– Похоже, очередной Никита, – констатировал я понятный только Димке факт.

– Идиот, – подтвердил он, направляясь к своей койке.

– Вот что, давай уматывай с моей кровати, – повернувшись к хаму, сказал я.

– А то, что ты сделаешь, витязь? – презрительно посмотрев на меня, ответил парень. – Своих позовешь? Так вас здесь всего двое. Короче, сиди, не выпендривайся, и может, я забуду твое непочтение к «Легионеру». Ну, а если надумаешь качать права, то тебе будет больно.

– Прости, – вежливо сказал я, – а делать больно будешь только ты или все ваши легионеры? – Краем глаза я заметил, как напряглись парни с нашивками «Легион», а Димка отошел к стене, чтобы со спины не достали.

– Да я тебя пополам сломаю! – зарычала харя, вскакивая с кровати и вставая в боевую стойку. Его дружки тоже повскакивали со своих мест, но пока никаких активных действий не предпринимали.

«Кикбоксер», – оценил я своего противника. Не говоря ни слова «харя», как я его окрестил для себя, пошла в атаку, активно работая руками и ногами, насколько ему позволяло пространство казармы, заставленное койками, тумбочками и прочей мебелью. Он был достаточно сильным бойцом, но его захлестнул гнев, а в бою он плохой советчик. Дважды пропустив удар, я оказывался на полу, а у «хари» были разбиты губы, сломан нос и рассечена бровь. И тут на нас навалились, моего противника скрутили дружки, меня же, рвущегося в бой, оттащил Димка.

– Хватит! – заорал он мне прямо в ухо.

Я остановился, опустив руки, враждебно глядя на легионеров. Старший из них с нашивками сержанта подошел ко мне.

– Добро пожаловать в нашу компанию, витязь, – довольно дружелюбно сказал он.

– А я и не напрашивался, – довольно грубо ответил я, возвращая в вертикальное положение опрокинутую тумбочку.

– Да ладно тебе. Ну повздорил с Темкой, подумаешь, до боя с тобой он считался непобедимым, а вы почти на равных дрались. Он у нас буйный, в детстве мама не научила хорошим манерам, вот и нарывается постоянно. А то, что сразу не прекратили, так от интереса, как бы это сказать – профессиональное соперничество. Ну так что, мир?

– Да ладно, чего уж там, – улыбнувшись и крепко пожав протянутую руку, отозвался я.

– Тогда прошу к нам, – он указал на стол, за которым играли в карты. – Меня зовут Тарасом, но лучше называй Хлыстом.

– Влас, – представился я, – а это Димка, мой товарищ.

– Очень приятно, – улыбнулся Хлыст и указал на карты. – Ну, так вы присоединяетесь?

– Я не против, – подал голос Димка. – Влас, ты как?

– Я пас, пойду, схожу в душ, а потом в столовую.

– Когда есть пойдешь, меня позови, – крикнул мне в след Димка, подсаживаясь к игрокам.

Вечером в пищеблоке собралось все население тренировочного лагеря. За отдельным столом сидел Виктор Петрович с Андреем и двумя еще неизвестными мне офицерами. Отдельно от них ужинали охранники, которые несли постоянную вахту у ворот и по периметру. Мы же с Димкой присоединились к легионерам. Меню было то же, что и за обедом: суп из тушенки и макароны с той же тушенкой.

– Петрович, – позвал Хлыст майора, – ты бы хоть рацион сменил, а то мы уже четыре дня здесь, а все одно и то же.

– Скидывайтесь, – отозвался майор, – и уже завтра на ваших столах будет шашлык, борщ, люля-кебаб и прочие деликатесы. А если действительно надумаете сброситься деньгами, Стасу отдайте.

– Хлыст, а Стас это кто? – спросил я.

– Повар ихний, но уж лучше тушенку жрать, чем ему деньги отдавать, мне как-то не хочется питаться шашлыком из сабачатины.

– Понятно, – улыбнулся я. – А эти рядом с майором кто?

– Тот, – он кивнул в сторону крепкого бородатого мужика, – силовой заведует, полосой препятствий и прочими спорт тренажерами, звать Вадимом, а второй ходячая легенда, Сашка, по кличке Шпала. Рукопашник от бога, умет качать маятник, способен голыми руками справиться со всеми нами и даже не запыхаться.

– Ты серьезно? – не поверил я. – Нас же больше двух десятков.

– Влас, я тебе реально говорю, завтра сам все увидишь, – улыбнулся командир легионеров. – После его занятий хочется лежать несколько суток и не вставать.

– Хлыст, – перегнувшись через стол, позвал Димка, – а что такое маятник?

– Эх ты, деревня, – улыбнулся сержант. – Маятник – это когда человек может спокойно уворачиваться от пуль, даже при интенсивном огне из двух калашей. А некоторые из них, – и он бросил взгляд на Сашку, – способны спокойно гулять под дулами и трех автоматов.

– Так не бывает, – не поверил мой кореш.

– Бывает, витьазь, бывает, – улыбнулся Хлыст, – только способны на это единицы. Мне рассказывали, что как-то на спор Сашка прогулялся под огнем двух калашей и одного ПК. Правда, пьяный был. Но человек, который мне рассказывал, клялся, что тот спокойно шел прямо навстречу стрелкам и сократил дистанцию с пятидесяти метров до двадцати трех.

– А ему можно верить? – ошарашено спросил Димка.

– Я верю, – сказал Хлыст, – а вы сами думайте, это же личное дело каждого, верить или не верить. За что купил, за то и продал. Вот до сегодняшнего дня я не верил, что после девяти лет в коме можно проснуться абсолютно здоровым, встать и пойти. Как будто просто все это время спал. У меня мать в коме лежала год, встать так и не смогла, говорить-то толком не умела, только глазами моргала, никого не узнавала, уже не человек – овощ на кровати. А сейчас рядом со мной сидит парень, который просто встал и пошел, говорит, как ты и я, дерется лучше многих, кого я знаю, а Андрей сказал, что стреляет, как бог. Не чудо ли? А ты говоришь маятник.

– Может, ты и прав, – кивнул Димка, возвращаясь к своим макаронам.

Утро началось с зарядки, на которую нас выгнал Вадим. Моросящий противный дождь превратил полосу препятствий в большое болото, и к концу занятия мы были настолько грязными, что пришлось идти переодеваться, прежде чем двигать на рукопашный бой. Но я получил истинное удовольствие от прохождения нескольких десятков снарядов, лесенок, пятиметровой стены, макета дома, кучи ям, бревен и прочих изысков инженерной мысли.

– Раньше занимался? – спросил Вадим, подходя ко мне. – Хотя чего тебя спрашивать, все равно не помнишь.

Я только пожал плечами, грязный промокший камуфляж превратился в упаковочную пленку и плотно прилип к телу, ощущение не из приятных.

– Занимался, – подвел итог силовик. – Вон посмотри на своего напарника, – и он указал на Диму, который с трудом переваливался через трехметровый забор, сделав стойку на руках, высунувшись по пояс из-за стены. – Если по другую сторону идет стрельба, то он соберет все пули прежде, чем успеет посмотреть, что же творится за забором.

– А я?

– А ты перемахиваешь забор сходу, даже не давая противнику шанса прицелиться, и не так глупо, а боком, почти лежа на нем. И остальные препятствия проходишь, как будто в тебя постоянно стреляют, даже если я не приказываю, бежишь зигзагом, потому что привык так. Остальные считают все это развлечением или, как твой друг, каторгой, а для тебя это средство выжить.

С полигона я уходил с чувством удовлетворения и новыми вопросами. Вадим, как и Андрей, заставил меня задуматься о прежней жизни. Покидая полосу препятствий, я услышал его голос, он просто разговаривал сам с собой, глядя мне в след. Его последняя фраза меня сильно заинтересовала, не думаю, что кроме меня ее кто-нибудь слышал, но меня она заставила задуматься.

– Интересно, кто ты, – тихо сказал он мне в спину, – враг или друг?

Больше я ничего расслышать не смог, но мне показалось, что этот сильный ловкий человек меня боится.

Бывший склад, переоборудованный для тренировок по рукопашному бою, встретил меня звуками ударов и криков – на четырех рингах работало восемь человек, все легионеры.

– Новенькие, – позвал Александр, которого legionеры называли просто Шпала, он ходил между дерущимися, указывая на ошибки, – на ринг.

Мы с Димой поднялись на помост и перебрались через канаты, встав напротив друг друга, оглянулись на инструктора.

– Бой, – скомандовал Александр. – Только не покалечьтесь.

Димка, приняв стойку из арсенала каратека, сделал мне приглашающий жест, мол, чего стоишь, нападай. Я, не долго думая, прыгнул, нанеся несколько пробных ударов, и тут же понял, что мой друг не имеет никакого понятия о рукопашном бое. Видимо, эта стойка была единственной, которую он знал. Поднявшись с пола, Димка обвиняющее посмотрел на меня. Теперь у него под глазом расплывался лиловый синяк, а правую руку он старался беречь, скорее всего, вывих или сильный ушиб.

– Ты, – крикнул Шпала, указывая на Диму, – в медпункт, а ты, – это уже мне, – попробуй вон с тем высоким.

На ринг забрался блондин, крепкий в плечах, скуластое лицо не выражало абсолютно никакой мысли. Не дожидаясь команды инструктора, он попер на меня, грамотно работая руками и ногами, заставив меня немного побегать по рингу. Краем глаза я заметил ухмыляющиеся лица legionеров. Хлыст, стоящий на соседнем ринге, смотрит в мою сторону, не одобряя выбранную мной тактику. И тут меня замкнуло. Не помню как, но я не только перешел в наступление, но и тремя ударами поверг своего противника на пол. Блондин поднялся, его лицо по-прежнему было скупающим, но в глазах засветился злой огонек. «Не умеет проигрывать, – подумал я, – теперь постарается отомстить. Видимо, считает себя сильным бойцом».

– Хватит, – раздался из зала голос инструктора. – Денис, с ринга, а ты, новенький, приготовься, – и инструктор легко поднялся на помост. – Работаем в полный контакт, – сказал он прежде, чем ринуться в атаку. – Покажи все, на что способен, – и, спустя секунду, на меня обрушился шквал ударов.

Меня носило по рингу, словно щепку в бурной реке. Я сам не осознавал, что делаю, куда бью. Тело действовало автономно, я им точно не управлял, разум отключился уже после первого пропущенного удара в челюсть, но вместо этого включилось подсознание – оно-то и управляло мной в бою. Через какое-то время я понял, что стою на ногах, напротив меня Александр, руки опущены, он расслаблен, но смотрит, как тринадцатилетний пацан на голую бабу – удивление в смеси с восхищением.

– Иди в медпункт, – сказал он, спрыгивая с ринга.

И тут я понял, что у меня болит все: руки, ноги, лицо – сплошная маска, из рассеченной брови капает кровь, тело как будто пропустили через пресс.

– Что случилось? – попытался спросить я, но вместо этого раздалось лишь мычание.

– Не разговаривай, – сказал инструктор, у тебя челюсть вывихнута, – но держался ты молодцом: ни разу не встречал человека, который способен выстоять против меня хотя бы пару минут, ты превысил это время вдвое, да к тому же не бегал, а дрался и даже пару раз зацепил меня. А теперь иди в медпункт. Хлыст, проводи.

Сержант «legionеров» забрался на ринг и помог мне перебраться через канаты, а затем, медленно поддерживая, повел к выходу. Я чувствовал, как у меня заплывает левый глаз, а правый почти ничего не видит из-за крови, текущей из рассеченной брови. Но даже не видя окружающих, я понял, что все поражены, а в зале стоит мертвая тишина.

В медпункте я провел несколько часов: вывих правой руки, заплывший левый глаз, гематома на затылке, выбитые пальцы на левой руке, вывихнутая челюсть и множество ссадин и синяков по всему телу. Местный доктор, которого Хлыст называл просто Иваныч, дело свое знал: на синяки лед и йод, челюсть вправил хорошо поставленным ударом, бровь зашил несколькими аккуратными стежками – сразу видно, что делает подобное не впервые, после чего вправил пальцы и правую руку и оставил на пару часов лежать на койке. На обед я приковывал

при помощи Димки. Когда мой кореш ввел меня в столовую, я поймал на себе несколько восхищенных взглядов и сдержанный гул одобрения, уже все в лагере знали, что я смог выстоять против Шпалы. После обеда, на котором я не смог съесть ни ложки, поскольку челюсть болела нестерпимо, и ограничился стаканом чая, я кое-как добрался до комнаты, в которой Виктор Петрович читал будущим дружинникам право. Бросив на меня оценивающий взгляд, майор приказал Димке отвести меня в казарму и уложить на койку.

– Все равно ты сейчас ни на что не годишься, – бросил он. – Завтра освобождаешься от всех занятий, кроме моих, будешь нагонять. А сейчас иди отдыхай.

– Да я в порядке, – попытался возразить я.

– Это приказ, – сказал он, опускаясь за стол. – Дима, помоги другу и возвращайся.

Уложив меня на койку и аккуратно хлопнув по плечу, бывший электрик ушел на занятия, а я провалился в глубокий сон. Станный сон. Снились лица людей, множество лиц, одно сменяло другое. Тот Влас, который не лежал в коме девять лет, прекрасно их знал, но я не смог найти ни единой знакомой черты. Последнее, что у меня осталось после того, как я проснулся – это эмблема на рукаве куртки. Двуглавый императорский орел с мечом в лапах, вписанный в красную звезду.

Как оказалось, проснулся я как раз к ужину. В казарме собралось почти все население лагеря, исключая, разве что, командный состав и охранников. Заметив, что я открыл глаза, Хлыст присел на кровать рядом со мной.

– Ты как? – участливо спросил командир легионеров.

– Да вроде нечего, – сильным голосом отозвался я и не узнал его.

– Ну и хорошо, – произнес сержант. – Ты теперь легенда. Стреляешь, как бог, дерешься не хуже. Чем раньше занимался?

Я пожал плечами, тело отозвалось болью, но уже не такой, которую я испытывал при каждом движении, когда отошел от схватки в медпункте. Казалось, что с того времени, прошло несколько дней. О приснившимся знаке я решил пока что никому не говорить.

– После ужина Иваныч просил тебя зайти к нему, – продолжил Хлыст. – И, кстати, Сашка сказал, что ты боец не хуже, чем он, а возможно и лучше. Но пока не вспомнишь, придется жить на одних рефlekсах. От своих тренировок он тебя освободил, стрелковой у тебя тоже нет, так что будешь заниматься правом и силовой, а так у тебя все замечательно. И все-таки, интересно, кем ты был раньше?

С трудом проглотив ужин, я с помощью Димки добрался до медпункта.

– Ну-с, молодой человек, как вы себя чувствуете? – спросил Иваныч, проводя поверхностный осмотр. – Я гляжу, на вас все заживает быстрее, чем на собаке, причем, не породистой, а как на обычном двортерьере. Думаю, через пару дней и следа не останется, кроме небольшого шрама на брови, хотя стоит признать, что отделал тебя Сашка знатно. Правда, я слышал, что положить тебя он так и не смог.

– Захотел бы, положил, – с трудом отозвался я. – Меня под руки с ринга уводили, а у него, по-моему, только на скуле синяк.

– Ну, вообще-то, нет, – склонившись к самому уху, произнес доктор. – Но это по секрету и только вам, он просил никому не говорить. Три сломанных ребра, выбита кисть, тело сплошной синяк. Думаю, что вы смогли бы с ним справиться, хотя я с трудом могу представить человека, который на это способен. И внешне вы в это представление не вписываетесь, но внутри вы намного крепче.

Взяв шприц, наполненный какой-то мутной жидкостью, он ввел иглу в вену, вкатил мне десять миллиграмм какой-то гадости, от которой меня бросило в пот.

– Ну вот теперь выздоровление пойдет быстрее, это стимулятор, он чуть увеличит возможности вашего организма, не на много, но все же. Его разработали, когда пытались создать

вакцину против гриппа. Несколько часов у вас будет жар и немного болеть голова. Не волнуйтесь, это пройдет. И лучше, если вы побудете это время в постели.

– Спасибо, доктор, – отозвался я, пытаюсь натянуть тельняшку и камуфляж, с трудом преодолеваемая боль в мышцах, я с помощью Димки справился с этой задачей.

Дорога из медпункта заняла десять минут, хотя здоровый человек преодолевал этот путь за четыре. Димка довел меня до кровати и, как заботливая мама, помог раздеться и накрыл меня одеялом.

– Отдыхай, заслужил, – тихо сказал он и направился к столу, за которым Хлыст, заядлый картежник, вытягивал из блондина, с которым я сегодня дрался, уже вторую пачку сигарет.

Свинцовые веки сомкнулись, словно створки ворот, а мозг отправил меня в страну сновидений. Теперь незнакомые мне лица снились постоянно, я уже успел их запомнить до мельчайших черт, но осознания кто они, не приходило. К концу недели, когда я закрепил в памяти последний образ, сны прекратились, подсознание, выполнив свою работу – вернув мне давно забытое, временно удалилось на покой. А я стал рисовать. Все свободное время я проводил, склонившись над альбомом с карандашом в руке, почти все страницы в нем уже были заполнены. Десятки лиц и образов переключалось из моей памяти на бумагу. На первой странице красовался Двуглавый императорский орел с мечом в лапах, вписанный в красную звезду.

– А ты еще и художник! – удивленно произнес Хлыст, заглянув мне через плечо и разглядывая почти законченное лицо незнакомой девушки. Она была последней в бесконечной цепочке образов, подкинутых подсознанием.

– Да вот, рисую. Но художник, пожалуй, слишком громко. Так, наброски, и ничего больше.

– А меня можешь? – спросил Хлыст.

– Садись, – делая последнюю черту и заканчивая портрет незнакомки, произнес я.

С тех пор так и пошло, все legionеры и персонал тренировочного лагеря получили от меня на память по небольшому графическому портрету.

Неделя за тренировками пролетела незаметно, хотя я больше занимался силовыми на полосе препятствий и современной юриспруденцией под руководством Виктора Петровича.

– А вы не хотели бы все вернуть? – как-то раз под конец занятия спросил я майора.

– Ты про что? – оторвав голову от брошюры с законами Княжества, спросил Виктор Петрович.

– Я про прежнюю жизнь, про могучую сильную страну, где люди живут как люди, где можно просто съездить на дачу в ста километрах от города, где на дорогах не хозяйничают банды, где есть армия, закон, а не военное положение?

– И как ты себе это представляешь? – с интересом спросил майор.

– Договориться с князьями, денонсировать границы, объединить дружины в гарнизоны, создать централизованную власть. Написать общий закон.

– Ну, все правильно, – кивнул в ответ Виктор Петрович, – вот только кто из князей согласится на это? Сейчас у каждого из них есть хоть какая-то власть, им по барабану, что происходит на ничейной земле, их заботит собственная выгода и безопасность их куска земли и ничего больше. Они заключают союзы с соседями, после чего довольно легко их нарушают, в зависимости от обстановки и их личной выгоды. Самые стабильные княжества находятся не в центре котла, а рядом с крупными образованиями Н.Т.Р. или С.Е. Те не допускают беспредела. А досюда дотянуться у них руки коротки. К тому же им выгодно иметь много отдельных княжеств, чем одно сильное. Мы – буфер между ними. Так что, выбрось из головы эти дурацкие мысли. Пройдет очень много лет до того момента, как кому-то очень сильному удастся сделать то, о чем ты говорил. Скорее всего я этого не увижу. А теперь хватит болтать, давай обсудим тринадцатый закон о телесных наказаниях.

– Хорошо, господин майор, – согласно кивнул я и принялся излагать, что я думаю по поводу этого закона.

Я говорил общими фразами, а сам думал над тем, что мне сказал майор. Он прав, пока не найдется один сильный, кто соберет под своей рукой ослабленные, постоянной междоусобицей княжества, будет по-прежнему. Вот только хватит его ждать, нужно самим создавать почву для того, чтобы он пришел. К этому разговору по молчаливому согласию мы больше не возвращались. Все шло своим чередом.

Заняться в лагере было почти нечем, особенно, если учитывать, что мои тренировки шли по особой программе. Несколько раз я заходил в тир, но так, по желанию, когда просто нечего было делать. Зато бойцовский клуб, как я для себя окрестил вотчину Шпалы, избегал, да и тело еще немного побаливало, хотя травмы мои прошли намного быстрее, чем ожидал Иваныч.

– У тебя потрясающий метаболизм, – сказал он, когда я два дня спустя заявился в медпункт. – Никогда такого прежде не видел. Ты уникален. Будь в моем распоряжении полноценная лаборатория, я тебя бы наручниками к койке приковал и изучал.

– Нет уж, спасибо, – отозвался я, – не хочу быть мышью. Вот лучше возьмите на память, – и я протянул ему его портрет.

В тире я близко сошелся с его хозяином Андреем. Парень отстегивал мне неограниченное количество боеприпасов и разрешал стрелять из всего, что было у него в арсенале. В последний день он протянул мне новенький автомат, чем-то смутно напоминавший «Вал»

– Держи, это автомат «Варяг» нашего оружейного завода, пока что таких всего несколько десятков, но скоро поставим на поток, правда только для дружинников, – склонившись к моему уху, шепотом сказал он. – Но это секрет.

Я взял оружие и внимательно осмотрел со всех сторон: сделан из какого-то незнакомого мне материала, по виду пластик, калибр девять миллиметров, легкий на вес, чуть больше двух килограмм. Отстегнул магазин, посмотрел на патрон, вроде обычный, но не совсем – нет стандартной гильзы.

– Он что, безгильзовый?

– Точно, – кивнул Андрей, – новейшая разработка – патрон безоболочный в пять раз мощнее, чем разрывная пуля от СВД. Внутри не порох, а какая-то производная от нитроглицерина. Почти не имеет отдачи. Корпус из особого пластика, ствол из нержавеющей стали, покрыт специальным покрытием. Титановый затвор, что сокращает время перезарядки процентов на шестьдесят, магазин на сорок пять патронов. Прошибает бронежилет седьмого класса с трехсот метров. Калашников не делает такого даже в упор. Ну что, испытасяшь? Давай на стометровый рубеж. Кстати, в нем встроенный глушитель, так что звук от него, как будто бьешь по грязи молотком. Сверху в рукояти оптический прицел двукратного увеличения.

Я неуверенно взял автомат и передернул затвор. Сделав десяток выстрелов, я понял, что у меня в руках произведение искусства. Пули ложатся точно в центр голографической мишени, кучность великолепная, мощность просто потрясающая, отдачи практически никакой, звук от выстрела разлетается шагов на десять и то, если хорошо прислушиваться. Я перешел на рубеж сто пятьдесят метров и сделал еще десять выстрелов. Все пули вошли точно в корпус мишени.

– А если двести? – спросил стоящий рядом Андрей.

Я молча кивнул и перешел на соседний рубеж и отстрелял в мишень последние патроны.

– Два мимо, остальные в туловище и в голову. Прекрасный результат, – прокомментировал мою стрельбу Андрей, следящий за показателями на экране ноутбука. – Ты рожден для этого оружия. Хотя любой бездарь сможет из «Варяга» выбить не меньше шестидесяти процентов, его даже ребенок удержит.

– Да, жаль, что не мой, – согласился я, нехотя кладя автомат на стол.

– Да нет, как раз твой, – ответил Андрей, – это тебе подарок от нашего тренировочного центра, Петрович приказал отдать тебе.

– А патроны где брать? Я так полагаю, что стоят подобные штуки очень дорого и в магазинах на полке не лежат.

– Не думай, – отозвался Андрей, вытаскивая из подсобки ящик. – На первое время мы тебе запас дадим, у нас около тысячи штук, а потом вам в отряд будут по заявке присылать, думаю, что через недельку начнется массовое производство.

– Здорово, – искренни обрадовался я. – Спасибо тебе большое.

– Да не за что, – сказал хозяин тира. – Просто ты мне с первого дня приглянулся. Да и остальных сумел поразить.

Спустя два часа за мной и Димкой приехал Виктор. Я закинул ящик с патронами в кузов Нивы, «Варяг» висел у меня на плече.

– Слышал, ты и здесь смог всех удивить, – пожимая мне руку, сказал сержант.

– Да ладно тебе, – отозвался я, – просто я делал все, что мне говорили.

– Димка тоже делал то, что ему говорили, но до твоих успехов ему далеко. Да к тому же первый раз вижу, чтобы обычного курсанта провожали такие уважаемые в лагере люди, – и Виктор кивнул мне за спину.

Я повернулся, из административного корпуса к нам направлялись все инструктора. Впереди вышагивал, словно средневековый барон, Виктор Петрович, следом за ним шли Андрей, Вадим и Александр.

– Даже не хочется расставаться, – пожимая мне руку, сказал майор. – Может, останешься у нас инструктором?

Я только отрицательно покачал головой.

– Ну что ж, тогда желаю доброго пути, – продолжил он. – И помни то, что я тебе сказал на первом занятии, если ты будешь соблюдать закон и жить по совести, то на одного хорошего дружинника станет больше.

Потом подошел Андрей в сопровождении Вадима и Шпалы, пожали нам руки и пожелали успеха. И через пять минут Нива неслась прочь от тренировочной базы.

– Чего в городе творится? – спросил Димка, развалившись на заднем сиденье.

– Да вроде тихо все, – пожав плечами, ответил Виктор, объезжая очередную колдобину. – Караван, который отправили два дня назад, удачно проскочил до Москвы. Обратный повезут горючку, продукты, несколько машин с взрывчаткой, сталь, запчасти и еще кое-что, о чем ни мне, ни вам знать не положено. Так что, собирайтесь. «Витязи» совместно с «Легионом» должны встретить колонну и проводить ее во Владимир. До Покрова ее доведут москвичи, а оттуда мы.

– Сколько всего машин? – спросил я.

– Около сорока, – отозвался Виктор, – здоровые грузовики с прицепами, которые делает КамАЗ. Навстречу отправят 20 машин.

– Сто человек, – моментально подсчитал Димка. – А сколько наших в сопровождении?

– Еще столько же, – отозвался сержант, – плюс вольнонаемные водители, но они тоже вооружены. Так что, завтра в пять утра необходимо быть в отделе.

– А сейчас куда? – спросил я, бережно поглаживая ствол «Варяга».

– Заскочим в отдел, получите форму, оружие, документы и до пяти утра можете быть свободны. Но мой совет – выспитесь хорошенько, такие большие караваны лакомый кусок для дорожных банд, а значит, можно ожидать все, что угодно. Ну да что я вам рассказываю, Петрович и без меня вам все объяснил. Все приехали. Выгружайтесь. – С этими словами он лихо затормозил у главного входа в отдел прямо рядом с островом БТРа, вкопанным в землю по самую башню.

Процедура зачисления в «Витязь» надолго не затянулась. Полковник, которого все называли Гробом, выдал мне с Димой удостоверения дружинников, произнеся при этом пару сухих, ничего не значащих фраз о долге, после чего отослал в оружейку. Ей оказался бывший склад магазина, доверху заваленный множеством ящиков с разнообразными стволами. Крепкий мужик, слегка подволакивающий правую ногу, выдал нам с Димой по старому АКМу и подсумок с рожками и, указав на ведро, доверху наполненное различными патронами, усадил снаряжать обоймы. На мою фразу, что, мол, у меня уже есть оружие, он ответил, что это мое личное, положен АКМ – получи. После того, как мы, стерев на больших пальцах верхний слой кожи, все-таки набили обоймы, он выдал нам по Стечкину, сопроводив этот процесс сакральной фразой: «Положено!». Так что из оружейки мы вышли упакованные по самое не хочу. На мне красовался бронник пятого класса с эмблемой «Витязя», с одного плеча стволом вниз свисал АКМ, с другого суперсовременный Варяг, на поясе – кобура с АПС, по ноге бил подсумок с тремя гранатами и магазинами. В руке я сжимал пакет с еще одним комплектом камуфляжа. А у Виктора в Ниве лежал ящик, доверху забитый безгильзовыми патронами к Варягу. Дима был упакован идентично и костерил весь белый свет. Домой я в тот день так и не попал, по приказу Гроба все, кто завтра отправлялся на встречу каравану, обязаны были остаться в казарме «витязя».

– Не обращай на этот обвес внимания, – осмотрев меня со всех сторон, произнес Виктор, – в первый раз из оружейки в таком виде все выходят, а через пару дней уже избавляются от лишнего. АКМ меняют на что-то более внушительное, и бронники берут полегче, а иногда и вовсе выменяют их на кевларовые разгрузки, вставляя под подкладку титановые пластины. Ты и Дима поедете завтра вместе со мной и Серегой. Да, и пулеметчик у меня в машине ничего. Ну, да завтра. С утра познакомитесь. Кстати, заberi из Нивы ящик с патронами.

– А куда мне его девать? – спросил я, оглядывая пустую казарму, в которой кроме кроватей ничего не было.

– Под свою кровать запихни, а как с караваном развяжемся, заберешь.

Глава 3

Утро выдалось хлопотное. К машинам стаскивали боеприпасы и тяжелое вооружение, на джип, за рулем которого сидел Серега, уже установили крупнокалиберный «уtes», прошивающий кирпичные стены, как писчую бумагу. Незнакомый мне паренек уже заправил в него ленту и стоял рядышком, облокотившись на капот джипа. АКМ я решил не брать и еще с утра, прихватив с собой сержанта, вернул его на склад, выменяв на него приличную разгрузку, усиленную титановыми пластинами. За ненадобностью я оставил в казарме бронежилет – тяжелый, а толку немного.

– Знакомьтесь, – подходя к Ниве, произнес Виктор, – это Артем – наш пулеметчик, но для друзей он просто Бабай. А это наши новички Влас и Дмитрий.

– Зовите Бабаем, – произнес Артем, пожимая нам руки.

– А почему Бабай? – спросил Дима.

– Потому что ко мне уже давно привязалось выражение «екарный бабай», которое я вставляю, где только можно.

– Ладно, хватит лясы точить, – прервал наше знакомство Виктор, – давайте по местам. Серега, за руль, Бабай, на тебе пулемет, я и Дима на заднее сидение. Влас, садись вперед. И смотрите, аккуратней, мы все двери поснимали, так что, когда тронемся, держитесь за что-нибудь, а то вывалитесь.

– А зачем? – тут же среагировал Дима.

– Чтобы, когда машина на фугас или мину наскочит, был шанс спастись, да и при обстреле удобней из нее выскакать. А от пуль двери все равно не спасут, это в фильмах все стараются

за двери спрятаться, а пули рикошетят от них, как от корпуса танка. В жизни любая дверь прошивается из Калашникова навывлет метров с семидесяти.

В это время взревели моторы десяти «Нив», стоящих во дворе отдела. Как сказал Ермак на инструктаже, «Легионеры» присоединятся к «Витязям» на выезде из города и дальше группы пойдут вместе. Вообще «Легион» стоял на порядок выше «Витязя», именно из него он и набирался. Люди, отслужившие в «Витязе» несколько лет, имели право подать заявку на перевод. Но брали в «Легион» не всех: отменное здоровье, высокие умственные показатели, преданность Княжеству – вот основные критерии отбора. Если «Витязь» занимался чем попало: от сопровождения колонн, до выездов на обыкновенные бытовые преступления, то Легионеры занимались только серьезными делами. Это был элитный военный отряд, принимавший участие во всех войнах, которые вело княжество за последние шесть лет. И то, что его послали сопровождать этот караван, еще раз доказывало, как он важен для Князя.

Машины катились по пустынным улицам, выстроившись в длинную колонну с интервалом метров двадцать. Пулеметчики и гранатометчики пока что сидели в кузовах, их время придет позже, когда они покинут густонаселенные места за городскими окраинами. Впереди замигали фарами.

– Всей колонне стоп, – произнесла небольшая радиостанция, закрепленная на плече Виктора.

Сергей, не дожидаясь приказа сержанта, начал прижиматься к обочине, постепенно прижимаясь. Вскоре колонна встала рядом с джипами «Легиона».

– А почему у них двери на месте? – спросил Дима у сержанта, кивая на целые машины.

– Потому что легионерам поставляют усиленные варианты, – пояснил Виктор, – все двери со специальными вставками, которые выдерживают не только пули из калаша, но и очередь из ПК.

Вскоре колонна тронулась, перетосовавшись, словно колода карт. Две машины «Витязей», следом две Нивы «Легиона».

– Там, на горке, последний блок-пост, – тронув меня за плечо, сказал Виктор. – А за ним начинаются дикие земли. Как только его проскочим, не зевай, смотри в оба глаза и слушай в оба уха.

Я кивнул, пытаюсь глазами отыскать последний блокпост. И нашел – им оказался целый укреп район – два здания из кирпича, стены усилены огромными бетонными блоками, не уверен, что даже прямое попадание из танка принесет нападавшим хоть какой-то результат. Прямо перед ними отрыты окопы полного профиля, рядом с которыми в землю врыты два танка и БТР. А за зданиями я углядел, как минимум, одну установку «Ураган», способную своими реактивными снарядами слизнуть с огромной площади все живое. Дорогу перегораживал шлагбаум, сделанный из двух толстенных рельс. Перед шлагбаумом со стороны Москвы по трассе в шахматном порядке с интервалом тридцать метров стояли бетонные блоки. Любой, кто хотел бы приблизиться к посту, был обязан скинуть скорость минимум до десяти километров в час. Место для блокпоста, а точнее укреп района, было выбрано удачное – господствующая над дорогой высота, позволяющая наблюдать в оптику любое движение на пять километров, пешком его обойти ничего не стоило.

Виктор снова хлопнул меня по плечу. Когда я обернулся, он указал рукой:

– Смотри, справа и слева тянутся обширные минные поля, оставшиеся еще с гражданской войны, их карт просто не существует и уже давно никто не решается на них соваться.

– Нехилая оборона, – прокричал я.

Меж тем с блокпоста выскочили люди с автоматами, а башня одного из танков стала медленно поворачиваться в нашу сторону.

Но головной джип мигнул фарами условленный сигнал, и все успокоилось, нас даже не остановили, шлагбаум медленно пошел вверх, и Серега, скинув скорость до минимума, начал объезд своеобразной змейки из бетонных блоков.

– А вот теперь заткнулись, полное внимание, – произнес Виктор, передернув затвор «Грозы» с подствольным гранатометом. Бабай же поднялся и взялся за рукоятку старенького «Утеса», мы с Димой повторили действия более опытных людей.

– Все, дальше до самого Покрова дикие земли, – прокомментировал Сергей, – можно рассчитывать только на себя. Пара небольших гарнизонов, охраняющих мосты, поля и деревни не в счет.

Наша Нива шла недалеко от середины колонны. Серега, не замолкая ни на секунду, костерил дорогу в хвост и в гриву, она действительно была довольна разбита. Княжеству в одиночку просто не по карману поддерживать и ремонтировать сотни километров дорожного полотна. Если в городе с этой великой русской напастью еще хоть как-то боролись, то за пределами Владимира дороги с каждым годом становились все хуже. При этом заложенные на дороге фугасы и постоянные стычки с применением гранатометов не способствовали долголетию асфальта.

– А здесь кроме нескольких поселков еще что-нибудь есть? – перекивая движок машины, спросил я.

– Да, – заорал в ответ Виктор, – чуть в стороне на свой страх и риск селятся вольные фермеры, сколачивают небольшие анклав, продукцию реализуют сами, только платят князю небольшой налог за пользование землей.

– А как они защищаются от банд? Ведь, если я правильно понял, дорожники хорошо вооружены.

– Анклавы вольных фермеров достаточно многочисленны, – проорал Виктор, – чаще всего это один-два клана, имеющие пол сотни хорошо вооруженных бойцов. Оружие им продает Княжество. Кроме того, в случае нападения, они могут вызвать на помощь ближайшие патрули или гарнизон. Если у тех все в порядке, они помогут, но за эту помощь фермерам придется заплатить.

– У вас тут прямо раннее средневековье, – произнес я себе под нос.

– Что? – не расслышал Виктор.

– Говорю, что странно у вас все, – проорал я, перекивая движок и ветер.

Дорога стала более-менее ровная, и колонна «Витязей» и «Легионеров» шла не ниже семидесяти километров в час. Я же предпочел заткнуться, впереди показался указатель, что до моста через мелкую речушку под названием Колокша всего восемьсот метров.

– Там наш блокпост, – произнес Виктор, указывая на крепкое кирпичное здание возле моста, – недельная смена двадцать человек при двух крупнокалиберных пулеметах и двух АГСх. Против крупных сил они, конечно, долго не продержаться, но этого и не надо. Их задача предупредить Княжество и отойти. А вот против всякой дорожной швали, этого поста вполне достаточно.

Завидев конвой человек на вышке снял трубку и переговорил с кем-то, после чего шлагбаум пополз вверх. Машины, не замедляя хода, проскочили его и стали лавировать между противотанковыми ежами, установленными на мосту. От города нас отделяло километров сорок, когда по рации с головной машины, которая больше напоминала БТР, нежели джип, пришел сигнал «Стоять».

– Все из машины! – заорал Виктор и сиганул еще на ходу, откатившись в сторону небольшой воронки, оставленной, по-видимому, миной или фугасом.

Машина ткнулось носом в край дороги и остановилась. Бабай остался в кузове, водя стволом крупнокалиберного пулемета из стороны в сторону. Надо сказать, что использовать в виде брони для пулеметчика старые прозрачные омовские щиты для разгона демонстрантов и массовых беспорядков являлось неплохим решением, они были последней новинкой, разра-

ботанной перед самой эпидемией С пятидесяти метров держали очередь из автомата Калашникова калибра пять сорок пять под углом и не затрудняли обзор. А специальный столб, сваренный в днище Нивы, на котором крепился пулемет, позволял стрелять в любую сторону. Подавить подобную огневую точку можно было лишь на малых дистанциях с помощью стволов довольно крупного калибра, с помощью гранатомета, или же, уничтожив сам джип.

Мы с Димой заняли позиции за деревьями, росшими на обочине дороги. Цепь огромных тополей позволяла надежно укрыться от пуль и вести ответный огонь, к тому же прямо за ней начиналось большое поле, вряд ли оттуда кто-нибудь нас попробовал атаковать.

– Что случилось? – спросил я, повернувшись к одному из «легионеров», который расположился за островом сгоревшего джипа, валяющегося в кювете, и пристально осматривающего свой сектор обстрела.

– Дикари, – произнес единственное слово «легионер», даже не удосужившись взглянуть в мою сторону.

– Кто такие дикари? – шепотом спросил я у Димы.

– Это что-то вроде цыган, – отозвался тот. – Кочуют по Княжествам, иногда нападают на караваны, никому не служат и нигде подолгу не задерживаются. Мы для них слишком зубастая добыча, сейчас командиры переговариваются, и дальше пойдем.

Его фраза всего на мгновение опередила приказ: «По машинам!», – пришедший из головы колонны.

Я встал, отряхнул штаны и направился к нашей Ниве, Дима шел следом, не выпуская из рук свой АКМ. Виктор и Сергей уже сидели на своих местах, а Бабай выбрался из своего пластового колпака. Все были еще напряжены и не выпускали из рук автоматы – стволы обращены к дороге, по которой мимо нас полз большой караван из десятка джипов, двух десятков грузовиков в сопровождении багги и мотоциклов.

– Много, – ни к кому конкретно не обращаясь, произнес сержант, проводив взглядом открытый грузовичок, в кузове которого сидело пять женщин и полтора десятка ребятишек в возрасте до пяти лет.

– Это их детский сад, – пояснил мне Серега, видя что я не очень понимаю в происходящем. – Обычно они мирные, но несколько раз пытались атаковать наши караваны и поселения, одно даже сожгли. Но основное их занятие – производство синтетической наркоты низкого качества, от нее больше дохнут, чем балдеют. Видел длинный старый рефрижератор, который только что нас миновал, у него из трубы еще белый такой дымок идет? Так вот, это и есть лаборатория.

Наконец, караван с цыганами остался позади и наши Нивы, взревев форсированными двигателями, рванули в сторону Покрова.

– Всем внимание, – произнесла рация, – дикари видели, как кто-то копошился на дороге километрах в тридцати отсюда. Человек двадцать, все вооружены, но их не тронули, пропустили. Либо ждут нас, либо караван, который мы должны встретить. Разрешаю открывать огонь по любому подозрительному движению.

Артем, повинувшись жесту Виктора, повесил свою «грозу» стволом вниз, снова перебрался под колпак и ствол крупнокалиберного пулемета стал внимательно шарить по придорожной растительности. Следы неизвестных, о которых предупреждали дикари, были заметны – кто-то не поленился притащить и бросить посреди дороги несколько бетонных блоков. Колонна снова остановилась, и мы залегли, внимательно обшаривая стволами автоматов и пулеметов придорожные кусты и канавы. Место для блоков было выбрано удачно, их установили почти на самом подъеме, любая машина, начавшая спуск, неизбежно налетела бы на него, либо водила, вывернув руль, улетел бы в глубокий овраг. Любой из этих результатов оказался бы достаточно результативным, и машина была бы неминуемо захвачена. Из головной машины вытащили

взрывчатку и, обложив блоки, подорвали, превратив их в кучу щебня, самый крупный кусок которого был размером с голову.

Колонна тронулась дальше, но две замыкающие машины остановились на верху подъема. В зеркальце заднего вида я видел, как бойцы выскакивают из них и занимают оборону. Что ж, вполне разумный ход, не отдавать противнику удобное для засады место. В тренировочном лагере меня подробно просветили о тактике дорожных банд: массированный огонь по колонне из стрелкового оружия, подрыв головной и замыкающих машин, расстрел охраны из гранатометов – работает безотказно, ее опробовали еще во времена великой отечественной, потом не раз использовали в Афгане и Чечне, почти всегда срабатывало. Главное – внезапный удар на удобной местности. Расстрел колонны на этом спуске привел бы к катастрофе, машины просто не смогли бы миновать бетонное заграждение, а охранению фактически не оставалось бы места для маневра. К тому же эта позиция была просто не создана для обороны. А использование в виде укрытий грузовиков привело бы к их полному уничтожению. Проезжая мимо того, что осталось от бетонных блоков, некогда перегораживающих дорогу, я подумал, что подрывники свое дело знают, препятствие подорвали и даже асфальт не попортили. Начиная с последнего блокпоста и до Покрова, я насчитал почти сотню сгоревших машин, валяющихся в кювете. Часть из них Нивы или подобные им джипы, другая часть – грузовики, тяжелые, как КАМАЗ, либо небольшие, как старенькие «Газели» и «Бычки». Виктор сказал, что это только за последние полгода, поскольку специальные мусорщики раз в год собирают скелеты машин и продают на переплавку. Да, на трассе война не затихала ни на секунду.

До Покрова добрались без происшествий. Этот город делили между собой владимирские и московские дружинники. После признания бывшей столицей суверенитета Владимира, отношения между двумя Княжествами наладились и переросли в крепкие партнерские связи. Город охраняли совместно, разделив его на зоны ответственности. К тому же здесь остались несколько заводов, и два князя договорились иметь с них равную долю. Что у Владимира, что у Москвы врагов было предостаточно, и князья решили не воевать хотя бы между собой.

Караван ждал нас в отстойнике – большая площадка, окруженная толстым бетонным забором с вышками и минным полем по периметру прямо в центре города. Водители и охранники сидели возле своих машин и готовили завтрак на маленьких дорожных керосинках, где-то играла гитара, но я сразу заметил, что со своими стволами они не расстаются, даже находясь под охраной местных дружинников.

– Влас, что же они везут? – удивленно спросил Дима, глядя на два грузовика с прицепами, стоящих отдельно от всех под охраной двух Нив с развернутыми пулеметами и полными экипажами дружинников.

– Не знаю, и знать не хочу, – отозвался я.

– И правильно, – произнес Виктор, стоящий у меня за спиной. – Я вот сержант и служу в «Витязе» полтора года, но мне совершенно не нужно знать, что в них, – он кивнул на фуры. – Приказ был такой, во что бы-то не стало довести эти два грузовика до Владимира. Даже если весь караван достанется врагу, эти два грузовика должны дойти.

– Интересно, – произнес Дима и пошел обратно к ниве.

Через два часа наш караван тронулся в обратный путь, скорость существенно упала, мы ползли километров сорок, выстроив грузовики по середине и взяв их в коробочку, прикрыв их таким образом от обстрела.

– Конвой, это Горка, – раздалось во всех рациях сразу, передача велась на общей волне и вся охрана в машинах и водителях в грузовиках могли ее слышать.

Джипы оставленные на месте предполагаемой засады вышли на связь

– Горка, это Конвой, что у вас? – раздался голос майора из «легиона», который командовал охраной каравана.

– Огневой контакт, их не меньше двух десятков, стволы легкие, пока что ничего крупнее калашей не слышать.

– Держитесь, сколько сможете, если натиск усилится, отходите к нам, – приказал майор. – Мы постараемся поскорее до вас добраться.

– Поторопитесь, отбить обратно эту высоту будет не просто, особенно, если они подтянут крупняки.

– Понял, идем, – отозвался майор и отключился.

Еще какие-то мгновения шел сигнал и я услышал, как заработал крупнокалиберный пулемет в кузове Нивы, а по днищу барабанят стреляные гильзы.

– Всей колонне увеличить скорость на десять километров, – раздался из радиации голос майора.

Сергей послушно прибавил. Вскоре весь конвой полз пятьдесят километров в час.

– Сержант, даже с таким темпом мы будем плестись до них полчаса, не меньше, – произнес я, вглядываясь в дорогу. – Горка права, отдадим высоту, обратно забирать будет трудно.

– Ну и что ты предлагаешь? – ехидно спросил Виктор.

– Свяжись с Олегом, – ответил я, – пусть переговорит с майором из «легиона», караван может выслать на помощь ребятам две Нивы, без ущерба для грузовиков.

Виктор несколько мгновений сидел молча, обдумывая предложение, после чего взялся за радиацию и, перейдя на волну капитана, высказал предложение новенького. Тот сказал, что подумаем, и отключился. Спустя пару минут снова заработала радиация.

– Машинам десять и одиннадцать отряда «Витязь», – произнес голос майора, – приказываю спешно выдвинуться в сторону занятой высоты и оказать помощь группе «Горка». Как поняли?

– Поняли, выдвигаемся, – отозвался Виктор, хлопнув Сергея по плечу.

Наш водитель только и ждал этого сигнала, Нива взяла вправо и, увеличив скорость до девяноста километров, рванулась вперед. За две минуты мы обогнали растянувшийся караван. Вскоре нам в хвост пристроилась еще одна машина «Витязей». Бабай, не покидавший своего пулеметного гнезда, что-то заметил справа и дал по придорожным кустам длинную очередь, срубленные ветки ложились на землю.

– Никого, – произнес он, разглядывая порубленные кусты в двукратный оптический прицел, установленный на «утесе».

– Горка, говорит машина десять отряда «Витязь», идем к вам на помощь, как у вас там? – произнес Виктор в радиацию. Ответа не последовало. – Горка, доложите обстановку, – снова произнес сержант.

– Машина десять, на связи Горка, – наконец прорвался незнакомый голос сквозь треск помех. – У нас трое холодных и двое тяжелых, уничтожена Нива, обстрел усиливается, дорожники подтащили крупнокалиберные пулеметы, два АГС активно применяют ручные и подствольные гранатометы. Если через пять минут не подойдет помощь, высоту не удержим.

– Ждите, идем, – сказал Виктор и отключился. – Серега, поднажми, – приказал он, заправляя гранату в подствольный гранатомет своей «грозы». – Мы должны успеть.

Серега кивнул и, стиснув челюсти, прибавил скорость до ста двадцати. Для этой дороги предел. Вторая машина, идущая у нас в хвосте, тоже прибавила скорость.

– Сколько нам до них? – пытаюсь перекричать тугую струю воздуха, бьющую мне в лицо, спросил я у Сергея.

– Километров пятнадцать-двадцать, – не отрываясь от дороги, прошипел он.

Машину подбрасывало на ухабах. Димка, вцепившись в поручень, приваренный к моему сидению, пытался не вылететь после очередного бешеного скачка.

– Как на родео, – проорал он, взлетая на следующей кочке.

– Только скорость в сто раз больше, – крикнул в ответ Виктор. – Упрись в поручень ногами, сядь поглубже и, вообще, вон у тебя справа ремень безопасности – пристегнись.

Кое-как Дима выполнил указание сержанта и перестал взмывать вверх, как воздушный змей.

– Так лучше, – показывая большой палец, произнес он.

Виктор снова взялся за рацию.

– Горка, как у вас дела? – но в эфире стояла абсолютная тишина. – Горка, ответьте! – снова нажав танкетку, попытался связаться с заслоном сержант. Ответом ему было молчание. – У них сломалась рация, – уверенным голосом заявил он.

«Или отвечать уже некому», – подумал я, но вслух ничего не сказал. Я не знал людей, оставшихся на прикрытии места возможной засады. Для меня они всего лишь безмянные парни, выполняющие свою работу. А вот для Виктора, Сергея, Артема они были приятелями, а может, там погибал кто-то из их лучших друзей. И сказать сейчас подобное в слух – верный шанс нарваться в лучшем случае на мордобой. Поэтому я и промолчал.

– Сержант, мы почти на месте, – проорал Сергей, указывая на большой подъем. Прямо на его вершине горели два огромных костра, все, что осталось от двух Нив прикрытия. Обе машины были сожжены, в них рвались оставшиеся боеприпасы, звуков боя слышно не было.

– Неужели они погибли? – спросил Виктор, выставив ствол автомата наружу и готовый в любой момент к открытию огня.

– Может, и нет, – ответил Сергей. – Залегли и ждут подхода помощи. По нам никто не стреляет, а мы для них сейчас идеальная мишень, но при условии, что они захватили высоту.

– Все из машин, – приказал сержант. – Одиннадцатая – правый фланг, мы возьмем на себя левый.

– Понял тебя, – отозвалась машина, шедшая следом.

До горящих машин осталось метров сорок, когда Сергей поставил Ниву на ручник и заглушил двигатель. Бабай даже и не подумал вылезать из своей прозрачной бочки, ствол «утеса», повинаясь его рукам, плавно качался то вправо, то влево, обшаривая возможные позиции. Пулеметчик второй машины тоже остался на месте.

– Конвой, говорит десятая машина, – выходя на связь, доложил сержант, – на высоте тишина, обе Нивы заслона сожжены, звуков боя не слышно. Поднимаюсь на высоту, буду держать оборону до вашего прибытия.

– Принято, – произнес майор и отключился.

– Вперед, – приказал сержант, и мы втроем под прикрытием крупнокалиберного пулемета пошли к гребню подъема. Группа со второй машины шла метров на двадцать правее нас. Водители остались на своих местах, если что, они выведут их на ударные позиции.

Следы боя никто не прятал, две Нивы, чадающие удушливым дымом горевшей солярки, стояли там, где их застала смерть. Возле одной из них лежало два тела в тлеющем камуфляже, и больше ничего.

– Занять позиции, – приказал Виктор, ныряя в воронку и ведя стволом по придорожным кустам, от которых вследствие недавнего боя осталось одно название. – Сергей, Стас, подгоните сюда Нивы, но встаньте так, чтобы кузов был прикрыт подъемом, и пулеметчик смог работать поверх наших голов, а мы вас пока прикроем.

– Понял, – отозвался Серега, заводя двигатель и медленно, на первой скорости, обе машины пошли в верх.

– Движение справа, – крикнул Дима, выпуская в кусты длинную очередь.

Мы с Виктором тоже развернулись в ту сторону. Вместо ответной стрельбы из кустов раздались проклятья.

– Кончай долбить, свои, – заорали оттуда сразу несколько человек.

– Свои ли? – не опуская ствол, наведенный на кусты, спросил Дима.

- Сейчас узнаем, – спокойно сказал Виктор.
- Как прозвище полковника «Витязя»? – крикнул он.
- Гроб, – отозвались оттуда. – Виктор, перестань шмалять, это я, Погон.
- Тогда скажи, где мы отмечали твой прошлый день рождения? – не поддаваясь, спросил сержант.
- В Иваново, в баре «Гремучая смесь», – проорали из-за кустов.
- Много вас там?
- Трое, – ответил Погон, – и Белка остывает.
- Прикройте, идем к вам.
- В это время за спиной раздался звук двигателя и две Нивы выползли на ударные позиции, прикрывшись островами сгоревших машин.
- Давайте, только быстро, – держа под прицелом все подозрительное, крикнул Виктор.
- Кусты зашевелились и из них показались три перемазанных кровью и грязью фигуры, которые тащили четвертого. Одним рывком они преодолели пятнадцать метров и плюхнулись в соседнюю воронку в двух шагах от нас. Парень лет двадцати трех, сжимая в руках Стечкин, переполз к нам.
- Рад видеть тебя живым, – произнес Виктор, хлопая того по плечу.
- Я тоже рад, сержант, – отозвался парень, по голосу я узнал того самого Погона.
- Где они? – спросил Виктор.
- Отошли минут пятнадцать назад, – отозвался парень. – Мы оставили высоту, оттащив раненого, убитых оставили здесь. Они вышли, осмотрели трупы, сделали по контрольному выстрелу. Тех, кто не горел, утащили с собой. У остальных забрали оружие и боеприпасы.
- А сейчас они где?
- Отошли, сели на машины и уехали. Поначалу мы их легко сдерживали, всего два десятка стволов: пистолеты, автоматы. Нам удавалось их держать от высоты подальше, потом появились два джипа с тяжелыми пулеметами, потом подъехал маленький грузовичок с открытым кузовом, в нем был установлен пехотный миномет, они обрушили на наши Нивы целый шквал огня. Эти воронки остались после минометного обстрела. Третья мина сходу накрыла одну из Нив, вторую подбили двумя минутами позже из гранатомета.
- Много их было?
- Человек двадцать сначала, а к концу боя не меньше сотни. Только странные они какие-то.
- В смысле? – спросил я.
- Складывалось ощущение, – Погон на секунду задумался, – что им эта высота и наш конвой без надобности.
- Тогда зачем они вас атаковали? – удивился Виктор. – Зачем они оставили два бетонных блока на дороге?
- Мы когда отползли и в кустах притаились, – неловко произнес парень, – то мне послышалось, что они говорили о трупах парней, как о еде.
- Каннибалы? – спросил Дима, как-то побледнев.
- Погон только кивнул.
- А почему они тогда остальных не забрали? – спросил сержант, оглядываясь на тела в тлеющем камуфляже.
- Не знаю, может мне послышалось, – немного подумав, произнес Погон. – Но они ска-зали, бензином несет.
- Быть не может, – прокомментировал я, продолжая наблюдать за дорогой и окрестной местностью сквозь оптический прицел «варяга».

– Может, – неожиданно для всех подал голос Дима. – После эпидемии я жил в одном подвале с парнем, который рассказывал о нескольких подобных бандах. Они специально ловили людей, одних продавали в рабство, другие шли в котел.

– Брехня, – не очень уверено произнес Виктор.

– Нет, не брехня, – уперся Дима. – Друга этого парня съели у него на глазах, выпотрошили и сварили в котле прямо во дворе дома на окраине. После этого он убил охранника у своей клетки и, завладев оружием, бежал, прихлопнув при этом еще трех людоедов.

– Я много слышал про подобные случаи, но свидетелей не видел, – кивнул Погон. – Может, оно и так. Мне говорили, человечина, как наркотик, один раз попробуешь и на свинину или говядину больше не тянет.

– Горка, как у вас? – раздался из рации, закрепленной на плече у Виктора, голос майора.

– Тихо, – отозвался сержант. – Нашли троих выживших и еще один умер от ран. Дорожники отошли, забрав зачем-то тела убитых. Тут есть предположение, что им до нашего каравана по боку.

– Тогда зачем они атаковали нас? – удивленно спросил майор.

– Те, кто выжил говорят, что ради еды.

– Какая еда в двух Нивах? – удивился еще больше «Легионер».

– Как раз еды много, пол тонны точно. Выжившие считают, что их атаковали людоеды.

– Я и раньше слышал, что здесь все чаще пропадают люди, – задумчиво произнес майор, – но думал что охотники за рабами промышляют, а вот оно как обернулось. Ладно, ждите, минут через пять будем.

– Ждем, – отозвался Виктор и отключился.

Я обернулся и посмотрел в сторону, откуда должен был появиться конвой. Замечательный оптический прицел приблизил мне головную Ниву. Именно в этот момент, когда я рассмотрел в прицеле водителя, машина исчезла в пламени взрыва. Грохот прокатился над дорогой и уже эхом долетел до нас.

– Что там? – спросил Виктор.

– Головную завалили, – ответил я, наблюдая за караваном.

Он начал сбиваться в кучу. Шедшая следом Нива попыталась объехать подорванную машину, но уперлась в глубокую воронку и застряла, а лобовое стекло брызнуло мелкими осколками в разные стороны. Мне в оптику хорошо было видно, как свесился из снятой двери водила, его макушка была срезана крупнокалиберной пулей или миной. А на дороге уже расцветали разрывы. Не знаю, что творилось в конце колонны, но, по-моему, ее взяли в обычные клещи.

– Горка, на нас напали, – закричала рация голосом майора. – Ударьте им в тыл, мы от вас в полтора километрах.

– Понял, – крикнул Виктор в рацию и метнулся к машине. Мы все поспешили следом. Ребята, которые держали здесь оборону до нас, не слушая возражений, закинули в кузов тело убитого товарища.

Уже через минуту наши Нивы рванулись навстречу колонне. Чем ближе, тем явственнее слышался вой мин и глухие разрывы. Нам повезло. Нива, в которой сидел я, вынеслась прямо на грузовичок, в кузове которого был установлен миномет. Бабай всадил пару очередей в людей, копошащихся возле него. Их как ветром сдуло: крупнокалиберные пули сделали из тел фарш. После этого он перенес огонь на правую сторону, именно там, за деревьями, были сосредоточены основные силы дорожной банды. Оказалось, что майор не зря носил свои погоны, к нашему приходу дорожникам отвечало около полутора сотен стволов. Лично я видел четыре сожженные Нивы и один грузовик, передок которого был раскурочен прямым попаданием гранаты. Возле него по земле катался парень в камуфляже, взрывом ему оторвало ногу, но боль еще не пришла, пока что он пытался сбить пламя с горевшей на нем куртки. Но про-

гремевшая очередь оборвала его мучения, он судорожно дернулся, скребя ногтями асфальт, и затих. Я бы мог поклясться, что очередь была выпущена кем-то из «витязей», укрывшихся за соседней машиной, в этом обществе такой поступок считался гуманным.

Нам не повезло, мы оказались прямо за спиной у тех, кто не давал конвою уйти вперед, и успех, которого нам удалось добиться за счет внезапного появления, очень быстро сошел на нет. Поскольку в эту сторону наши почти не стреляли, то заслон развернулся к нам, открыв ураганный огонь из всех имеющихся стволов. И удача почти сразу улыбнулась им, ствол «утеса» на нашем джипе задрался вверх, пластиковые щиты разлетелись множеством осколков, а Артем стал оседать – из десятка ран в его груди в кузов хлестали целые водопады крови. Кто-то из тех, кто выжил на высоте, ухватился за ручку пулемета и снова открыл огонь по дорожникам. Я же кувырком выкатился из машины, всадив очередь в парня, решившего метнуть в нас гранату. Первая пуля откинула его назад, а вторая разбила кисть правой руки, в которой он удерживал ребристое яблоко. Спустя несколько мгновений из-за машины раздался мощный взрыв, и вся стрельба оттуда прекратилась. Я же боковым зрением заметил удачный выстрел Димы, он залепил из подствольника прямо под ноги двум перебегавшим от укрытия к укрытию дорожникам. Бегуны сдулись, только один полз в сторону канавы, царапая пальцами асфальт, но вскоре замер. Бой продолжался. В конце колонны грянули два взрыва, после чего стрельба там замерла. Майор, не будь дураком, бросил в ту сторону десяток бойцов, и вскоре там снова началась ожесточенная перестрелка.

– Влас, справа от тебя еще один миномет, – заорал Виктор, махнув рукой в сторону, откуда еще летели мины.

У дорожников был неплохой корректировщик, пока что он бил мимо, но с каждым новым взрывом мины ложились все ближе к нам. Я глянул в оптику и заметил, откуда ведут огонь. Нужно сказать, что позиция для миномета выбрана удачно – густые заросли, в небольшом овражке, промытом многочисленными дождями и ручьями, стекающими с дорожного полотна. Но тут по мне выстрелили, пришлось отвлечься, всадив короткую очередь в девушку лет двадцати трех с короткой стрижкой, которая закидывала в подствольный гранатомет новую гранату. Осмотревшись, я заметил шагах в пяти от себя Диму, тот сосредоточенно бил короткими очередями по двум бандитам, пытавшимся подобраться к нам поближе. Одного он достал очередью по ногам, второго накрыл замечательным броском ручной гранаты.

– Прикрой, – заорал я ему, – нужно завалить минометчиков.

Он кивнул в ответ, мол, действуй и за фланг не беспокойся. И я, собравшись, рванул вперед. Все расстояние до самого овражка, а это больше пятидесяти метров, я преодолел на одном дыхании и в едином рывке. Но, прыгнув в него, оказался лицом к лицу с тремя здоровенными мужиками. Те даже не ждали нападения. Старый миномет заклинило, и они пытались извлечь из него неразорвавшуюся мину. В первого я вкатил длинную очередь от бедра, благо расстояние не превышало пятнадцати метров. Его отбросило на двух других. Поведя стволом, я легонько зацепил еще одного. Рана неопасная, но на время он вышел из борьбы. А вот с третьим произошел казус. Затвор щелкнул, показывая, что магазин пуст, а дорожник уже схватил свой автомат. Он действовал абсолютно правильно, полоснул по мне длинной очередью от бедра, но его удача сегодня взяла выходной. В кувырке я ушел вправо, он повел стволом следом за мной и не достал – неглубокая канавка, в которую я угодил в конце своего кувырка, была не досягаема для пуль. Оказалось, что мной снова завладело подсознание: «варяг» с опустевшим магазином лежал рядом, а рука сжимала АПС Стечкина. И когда надо мной появилась фигура боевика, я, перевернувшись на спину, всадил в него пол магазина. Он на секунду вытянулся по струнке, словно собирался отдать честь, а потом медленно завалился прямо на меня, приложив на последок прикладом своего АКМа прямо по лбу. Тут же свет выключился, унося меня в страну забвения.

Я увидел лица, которые мне снились в лагере – два парня, поддерживая под руки сильно побитого кавказца, стоят напротив меня. У меня камуфляжная форма, на рукаве все тот же шеврон с орлом и звездой, в руках старый добрый АПС.

– Зачем ты везешь в город наркоту? – говорю я.

Кавказец молчит и с ненавистью сверлит орла на моем рукаве.

– Ты знаешь, что с тобой будет? – раздается голос крепкого парня, стоящего справа от меня.

Кавказец упрямо молчит, но, получив сильный удар прикладом по ребрам, кивает. Потом начинает что-то быстро говорить на своем каркающем наречии. Один из парней, держащих его, переводит.

– Угрожает, – ухмыльнулся он. – Говорит, что мы, русские свиньи, подохнем, а те, кто выживет, будут жить на севере, там и море белое, и снег белый, там нам и место.

Рука человека, стоящего подле меня, поднимается, и пуля из девяти миллиметрового пистолета разбрызгивает мозги кавказца по росшей позади него березке...

Очнулся я в гробовой тишине. Подтащив к себе за ремень «варяг», я на ощупь вставил в него новый магазин и как можно бесшумней передернул затвор. Обдумать увиденное можно будет и позже, сейчас не время. После этих действий начал выбираться из-под свалившегося на меня боевика. Ох, и тяжелым оказался этот боров, не меньше центнера. Спустя пару минут мне все же удалось вылезти на белый свет. Я представлял собой ужасное зрелище: с ног до головы меня покрывала чужая кровь, волосы слиплись, на лбу огромная шишка. Но осматривать себя было некогда. Пошарив стволом и не обнаружив поблизости живых, я подкрался к миномету. Третий враг, которого я зацепил в плечо, уже остывал. То, что я считал за пустяковое ранение, оказалось раздробленным бедром с порванной артерией. Видимо, от болевого шока, он сразу потерял сознание и не смог вовремя остановить кровотечение. Что ж, на войне, как на войне.

На краю оврага послышались голоса и я предпочел от греха подальше укрыться в ближайших кустах и выяснить, за кем осталось поле боя.

Сквозь густые ветви было видно, как трое парней в бронежилетах с автоматами в руках прыгнули в овражек. Дойдя до миномета, они осмотрели тела бандитов, выпустив в них по короткой очереди, так, на всякий случай. Потом один из них поднял автомат и направил его на кусты.

– Давай, только медленно, выходи. Руки держи так, чтобы я их видел, – произнес он. Два его спутника, резко повернувшись, обратили оружие в мою сторону.

Прятаться не имело смысла, к тому же я рассмотрел на бронежилетах эмблемы «Витязя» и «Легиона».

– Не стреляй, свои, – выкрикнул я и, держа одной рукой автомат, а вторую подняв вверх, вышел из своего укрытия.

– Ты кто такой? – осмотрев меня с ног до головы, произнес первый, у которого на рукаве были нашивки сержанта «Легиона».

– Я из «Витязя». Эти, – указывая на трупы, – моя работа. Чем бой закончился?

– Отбились, – отведя в сторону ствол и давая разрешение опустить руки, произнес сержант. – Человек двадцать ушло, еще с десятка захватили, остальные того.

– Наших много полегло? – спросил я уже спокойней, зачерпнув воды из родника, который оказался неподалеку от миномета, и умывая лицо. А то кровь борова засохла, превратив его в сплошную маску.

– Человек двадцать холодных, еще с десятка тяжелораненых, многие до больницы не дотянут. Двое, совсем изувеченных, покончили жизнь самоубийством. Ну, и человек тридцать с контузиями и легкими ранениями. Скоро оправятся.

Пока мы разговаривали, бойцы, пришедшие с сержантом, обшмонали карманы убитых, снимали украшения.

– Держи, – протягивая мне три с половиной тысячи рублей, произнес сержант, – твой трофей, никто не претендует. Оружие их тоже захвати, за каждый сданный в арсенал чужой ствол еще три сотни дадут.

– Закон дороги? – понимающе спросил я.

– Закон дружины, – парировал сержант. – Все трофеи с убитых врагов достаются победителю. Тебя как звать-то?

– Влас Комов, – произнес я, пряча деньги в карман и забирая оружие. Тяжело их таскать, но что поделать, лишняя тысяча не помешает, нужно жизнь устраивать. Денег, которых мне выделили в больнице, надолго не хватит, а зарплата «Витязя» еще не скоро, если учитывать, что служу я всего два дня.

На краю оврага появился человек в камуфляже, в котором я узнал Виктора.

– Ты как? – заорал он мне.

– Нормально, – крикнул в ответ я, – только прикладом по лбу заработал, а так ничего.

– Подожди, я сейчас ребят пришлю, миномет заберем, тоже наш трофей, – крикнул он и исчез.

Сержант из «Легиона» выглядел немного расстроенным. Точно, он сказал про автоматы убитых, но ни слова о миномете, а эта игрушка тянет на большую сумму. Да и мин к нему два целых ящика и еще один начатый. Тут, наверное, полноценные пять кусков, а то и больше. Я закурил, глядя, как шестеро «витязей» спустились в овраг. Двое схватили миномет, двое парней покрепче взяли начатый и целый, последняя пара уволокла целый ящик. Я пошел за ними следом.

– Держи, тоже твое, – сказал Дима, протягивая мне деньги, когда мы подошли к нашей Ниве.

Оружие я уже закинул в кузов.

– Четыре ствола твои, это те, кого ты гранатой подорвал и еще один, которого срезал очередью.

– Гордись, – хлопнув меня по плечу, произнес Виктор. – Ты после Демьяна из «Легиона» рекордсмен – семь дорожников укатал, а у него восемь и один раненый. Остальные, хрен разберешь чьи парни, потом все между собой по равному поделят.

– Кто из наших погиб? – спросил я.

– Бабая еще в начале боя завалили, – начал перечислять Виктор. – Серега жив, ему повезло, ногу чиркашом зацепило, а так цел, дня два, и снова будет бегать. Погона завалили, он оказался на пути их отхода. Все, что смогли, в оцинкованное ведро собрали – в него из РПГ-7 зарядили почти в упор. Ну, вроде все, во всяком случае из тех, кого ты знаешь. А так, Петруха, Вован, братья Грим, да еще капитана зацепило, придется ему на животе с неделю спать, клочок с задницы вырвало порядочный. Итого: человек пятнадцать. У «легионеров» потери всего ничего – пятеро, и те подорвались на фугасе, они в самой первой машине шли. Остальные ранены, правда, двое у них очень тяжелые. Медик сказал, что до больницы не дотянут. Да мы еще наших парней нашли, тех, которые до нас подъем обороняли. – Его голос как-то потяжелел. – В общем, Дима прав оказался, каннибалами дорожники оказались, им наш груз без надобности был, а вот трупы и рабы – да. Ребят наших уже вымыли и выпотрошили, мы их нашли в оставленном грузовичке. А вообще, каравану повезло, у каннибалов что-то не заладилось, и из пяти фугасов сработал только один, на котором Нива подорвалась. Грамотные парни, хорошо засаду обстреляли: и бойцов наших на «Горке» укатали, и нас от каравана выдернули. Вот только не думали, что мы обратно рванем и в тыл им ударим. Так что, вся суета на «Горке» была отвлекающим маневром.

Пока мы разговаривали, из подбитого грузовика перегрузили товар, собрали все трофеи и даже успели расчистить дорогу, скинув сожженные машины в кювет. Спустя полтора часа после начала боя, караван тронулся дальше.

Я ехал и размышлял на тему падения нравов, прямо чистое средневековье, несмотря на машины, оружие и электричество. По большому счету город – это замок, которым правит феодал. Законы (не скажу, что мне это не нравятся) также вернулись в средние века: трофеи, собранные на поле боя, принадлежат победителю, за оружие врага можно получить неплохие деньги. Система «преступление и незамедлительно следующее за ним наказание» тоже ко двору, разве что, головы не рубят. Есть даже публичные наказания. Для простого народа – это как аттракцион, на него ходят вместе с детьми, покупая у разносчиков горячие пирожки и пиво. Договоренности между княжествами – чистая условность, они могут быть нарушены в любой момент. Хотя подобное происходило и в так называемом цивилизованном мире, было там такое государство неприкасаемых, которые считали, что им можно все. В середине двадцатого века основано НАТО, военный блок, для сдерживания «коммунистической заразы», но вскоре коммунизм рухнул, а НАТО осталось. Для чего – никто не понял. А потом оно вошло в Югославию под видом миротворческой операции, хотя там был внутригосударственный конфликт, ни коим образом не касающийся посторонних. Потом Сомали, Ирак, Афганистан и везде была отчетлива видна рука Штатов, которые просто заграбастали НАТО себе. Они уже единолично управляли им, решая в какой точке мира в них «нуждаются». Хотя их никто никуда приходить не просил. Как победители, они объявляли правителей государств военными преступниками, еще после великой отечественной кто-то сказал хорошую фразу: «...Победители, захватив место судей, решают, что военные преступления противника более зверские, чем совершенные ими». Даже головной офис ООН расположился в Нью-Йорке. Здание организации объединенных наций находится не на нейтральной земле, а в «цитадели зла», правда символично, за всю свою историю оно ни разу не осудило действие США. Теперь нет НАТО, империя зла лежит в руинах и стала большой ядерной помойкой, а традиции живут. Мир почти не изменился, только сократил свои границы и продолжает самую захватывающую в мире игру – «Уничтожь себя сам».

– Влас, не спи, – толкнул меня в плечо Виктор. – С головы колонны пришло сообщение, нам на встречу движется большой караван.

– Чей? – спросил я, передергивая затвор «Варяга».

– А вот тут много неясного, – отозвался сержант. – Знаки вроде бы похожи на Северное княжество, столица в Архангельске, но про них ничего не слышно уже года три. У них вроде какая-то резня с питерцами вышла, поговаривали об их полном уничтожении. Так что, держи ушки на макушке. Понятно?

– А чего не понятного? – отозвался я. – Если начнется заваруха, стреляй во все, что стреляет в тебя, после разберемся.

– Правильно, – кивнул сержант и выставил дуло своего автомата в дверь.

Караван был в три раза больше нашего: охраны человек триста, впереди с ревом ползет старенький Т– 72, хотя его вид существенно изменился с тех пор, как он впервые покинул завод, но узнать его можно. Но не смотря на всю свою мощь, встреченный нами караван не проявлял никакой враждебности. Замерев напротив друг друга, две колонны застыли в тревожном ожидании на расстоянии в сто метров. Из-за танка вырулил старый уазик и понесся в нашем направлении, навстречу ему рванулась Нива «Легиона», в которой сидел майор. Встретившись на середине, машины остановились и начался разговор.

– Расслабьтесь, это не враги, – раздался из рации голос майора. – Сейчас новости узнаем и дальше поедем.

Спустя двадцать минут майор, тепло пожав руку командиру встреченного каравана, развернул Ниву и поехал назад.

– Все в порядке, – сказала рация, закрепленная на плече у Виктора, – сейчас их пропустим и пойдем дальше, у них есть подорожная владимирского князя, везут что-то безумно важное для Москвы.

Видимо, караван с эмблемой Северного княжества был действительно очень ценен, пять танков, причем в отличие от головного остальные были Т – 90, десяток БТРов и три БМП. На специальной платформе везли легкий разведывательный вертолет класса «Ансар». Джипы, снующие вдоль колонны, вообще подсчету не поддавались.

– Пять десятков, – уверенно заявил Сергей.

– А у меня шесть получилось, – ответил ему в тон Виктор. – Это один из самых больших караванов, которые я видел. Почти семь сотен охраны.

– Интересно хоть одним глазком бы взглянуть на то, что они везут, – разглядывая очередную фуру, проплывающую мимо, произнес Сергей.

– Язык попридержи, – строго произнес сержант, – а то взглянешь одним глазком, только глаз твой будет лежать на ладони их командира. Да и тебе это знание будет уже без надобности.

Сергей, почувствовав, что начальство дело говорит, пасть закрыл и больше до самого Владимира не произнес ни слова.

Ночевал я уже в своей комнате. Всем, кто сопровождал караван, предоставили три дня отдыха. Поминки по погибшим «витязям» были назначены на послезавтра. За стволы, которые я сдал лично, получил тысячу двести рублей, еще четыре были реквизированы в мою пользу из карманов каннибалов. За два миномета и ящики с минами была обещана премия в размере трех тысяч на брата. Весь следующий день я отсыпался. На улицу вышел лишь для того, чтобы сходить в магазин, поскольку в общаге за полторы недели, что меня не было, на двое суток отключили свет, и тушенка, оставшаяся в холодильнике, протухла. На третий день я появился в отделе. В общей столовой было не протолкнуться, девушки, работающие в «витязе» строгали салаты и что-то варили в многочисленных кастрюльках. Парни сидели хмурые.

– Самые большие потери за последний год, – произнес один из парней, сидящих за соседним столом.

– Точно, – судорожно прикурив, согласился его собеседник. – Пятнадцать человек заваляли на трассе, четверо скончались, не доехав до Владимира, еще трое на операционном столе. Итого – двадцать два.

– Последний раз такое было почти год назад, когда нас бросили против банды, что атаковала Муром, там двадцать пять наших осталось. Значит, вскоре в отделе появятся много новых лиц.

Курящий парень снова кивнул, соглашаясь с очевидным.

– Ну что, Влас, отоспался? – плюхаясь на лавку возле меня, спросил Сергей.

– Вроде того, – пожимая протянутую руку, отозвался я.

– Ну, тогда гони штуку, – достаточно бодро произнес он, – мы тут семьям ребят собираем.

– Не вопрос, – произнес я, запуская руку в наружный карман и вытаскивая оттуда сложенные деньги. Отсчитав требуемую сумму, протянул Сергею, который тут же спрятал их к себе.

– Вообще-то не положено вроде как, – произнес он, – Княжество платит семьям погибших дружинников посмертные, но пока их получишь. Вот и собираем с ребят. Начальство смотрит неодобрительно, но молчит.

– Да я понимаю.

– Ну и хорошо, – ответил Серега, – а то есть такие, кто сразу посылает, мол, денег не дам и мне, когда сдохну, не собирайте, – и кивнув, он поспешил куда-то дальше.

Поминки прошли на удивление тихо. Несколько казенных фраз произнес Гроб, начальник отдела. После этого говорили командиры, потом рядовые бойцы. Как оказалось, город тоже замер. В окрестных домах не горело ни одного окна. Улицы возле отдела были безжизненны.

– Помнят, – держась за мое плечо, пьяным голосом произнес Виктор. – Год назад мы потеряли под Муромом почти тридцать человек, так ребята на поминках так ужрались, что

каждое окно, которое горело, превратилось в мишень. А насильника, сидевшего в камере, просто растоптали.

С одной стороны я прекрасно понимал то, что сейчас рассказал Виктор, у самого в душе бушевала ярость, но с другой – возле отдела жили люди, не имевшие никакого отношения к гибели «витязей». В этом новом для меня мире действовал закон средневековья: у кого меч, тот и прав, мол, я тебя защищаю и делаю, что хочу, полезешь – убью.

– Ладно, пошли домой, а то нам с тобой завтра в патруль по городу, – пьяным голосом произнес он. – Ожидают караван из Рязани, а там парни совсем отмороженные, почти все на наркоте сидят.

Глава 4

В восемь утра наша Нива вырулила со двора отдела и неспешно покатила по городу. Замена на место Бабая еще не пришла, поэтому ехали вчетвером: Сергей за рулем, я рядом с ним, на заднем сиденье Виктор и Дима.

– За караван всем вынесена благодарность, – произнес Виктор. – Да, вот еще что, в город караван из Рязани прибыл сегодня с утра, парни отмороженные, тащат через Владимир в Нижний наркоту. Им выделили несколько домов на окраине и поставили пару постов, в городе им появляться запрещено, во всяком случае с оружием. Но пока они здесь, везде усилены патрули, все-таки пять десятков отморозков со стволами. Так что, смотрите в оба.

Я, Дима и Сергей синхронно кивнули. Неожиданно включилась рация, привинченная вместо бардачка.

– Витек, ты где? – раздался искаженный помехами голос.

– На окраине, – нажав танкетку, отозвался сержант, – только что миновали пост на Буревестнике.

– Тогда слушай приказ, – мне наконец-то удалось опознать голос капитана Олега, – двигайтесь в «Колизей», рязанцы ширнулись и держат дискотеку под стволами, их человек шесть, может больше, вы ближе всех. Приказ Гроба. Если не удастся решить дело миром, валите их.

– А не маловато нас? – отозвался Витек.

– Туда уже едут еще два патруля, но они будут на месте не раньше, чем через двадцать минут.

– А охрана «Колизея»?

– Покрошили охрану, – отозвался Олег. – Все, действуй, и удачи.

– Спасибо, – вложив в голос как можно больше сарказма, произнес сержант, а Серега, не дожидаясь его приказа, уже жал на педаль газа, выжимая из модернизированной Нивы все, на что был способен ее движок.

Буквально через три минуты наша машина вылетела на площадь к Золотым Воротам. Развлекательный комплекс «Колизей» располагался внутри бывшего драмтеатра имени Луначарского. Огромные стеклянные окна первого и второго этажей были заложены кирпичом, сверху надстроено еще два этажа, над которым мигала огромная надпись «Колизей», стилизованная под руины древнего Рима. У входа стоял десяток джипов, три с эмблемой Рязанского княжества.

– Что будем делать, командир? – спросил Димка, выпрыгивая из машины и снимая с плеча «Бизон».

– Идем внутрь, смотрим в оба, при любой опасности разрешаю открывать огонь.

Я молча снял с плеча «варяг» и передернул затвор. Ребята, вооруженные «бизонами», с завистью посмотрели на мой автомат. Слухи об этих чудо стволах уже просочились в ряды дружинников, но очень немногие видели их наяву. Парни, что сейчас со мной, уже оценили «варяг» в деле, и их зависть была вполне обоснованна.

– Все, пошли, – приказал Витек и направился к входу.

Охрана обнаружилась быстро. Два тела лежали прямо около стойки гардероба. У одного перерезано горло, второго просто забили до смерти.

– Зверье, – выругался Витька, водя по холлу стволом автомата. Димку от увиденного едва не вывернуло наизнанку, что, впрочем, не удивительно, от головы охранника, разбитой тяжелыми армейскими берцами, мало что осталось, скорее это напоминало багровое пятно с вкраплениями костей и мозгов.

– Значит, минимум два ствола, – подвел итог наш командир. – Обычно, ребята с калашами дежурят.

– Это не наши, – сказал я, не найдя на камуфляже никаких опознавательных знаков, кроме надписи «Охрана».

– У них своя служба безопасности, – ответил Виктор. – Вечером здесь дежурит человек десять, а днем и с утра двое, от силы трое.

– А что из себя представляет сам комплекс? – спросил я. – А то я здесь раньше в театре бывал, но в «Колизее» еще не удосужился.

– Ресторан, – начал перечислять Дима, – три бара, дискотека, бильярдная и бордель на последнем этаже. Дискотека на первом, там же бар.

– Сейчас быстро осмотрим танцпол и поднимемся наверх.

Обойдя гардероб, мы вошли в зал. Поведя стволами, поняли, что зря крались. Ни единой души, только около бара труп еще одного охранника. Подойдя к телу, Сергей перевернул его.

– Выстрел в затылок, – пытаюсь переорать ревущую музыку, крикнул он. – Оружия нет.

Виктор кивнул:

– Значит, они выше. Здесь две лестницы. Влас и Серега, вы по правой, мы с Димкой по левой. Смотрим в оба. При малейшем сопротивлении – открывать огонь. Все ясно?

Мы кивнули. Чего непонятного? Этих отмороzków надо убить, вот и все. Такое зверье недостойно жить.

На втором этаже тоже оказалось пусто. Огромный ресторан с перевернутыми столиками и залитым кровью полом встретил нас гробовой тишиной.

– На третьем этаже бильярдная, – сказал нам Виктор, – и бар. Скорее всего они там. Сергей, Влас, вы по правой лестнице, мы по левой.

Кивнув, я направился к выходу из ресторана, Серега пошел следом. И вот тут начались сюрпризы. Шагнув в дверь, я лицом к лицу столкнулся с крепким невысоким парнем, держащим в руках Макаров с увеличенным магазином. На камуфляжной куртке эмблема Рязанского Князя. Он опешил, увидев четверых «Витязей», явно не ожидал никого здесь встретить, а просто приперся за жратвой. Все решилось в течение секунды. Он вскинул руку с пистолетом, выцеливая меня. Я же, понимая, что выстрелить не успеваю, шагнул навстречу и двинул ему в челюсть прикладом автомата. Рязанец рухнул, как подкошенный. Тут же к нему подскочил Сергей, быстро завел руки за спину и защелкнул на запястьях наручники. Конфискованный ствол перекочевал к нему в карман.

– Так, быстро наверх, пока этого не хватились, – и поспешил к лестнице, ведущей на третий этаж.

Мы взбежали по лестнице и замерли у дверей в бильярдную. Оттуда раздавалась ругань и женские всхлипы, чуть в стороне стучали друг об дружку бильярдные шары. Виктор заглянул в дверную щель и быстро оценил ситуацию.

– Их пятеро. Двое у бара, двое гоняют шары справа от двери, еще один насилует официантку на соседнем бильярдном столе. У противоположенной стены человек двадцать заложников, сидят на полу, в основном персонал «Колизея». Итак, Влас, ты у нас лучший стрелок, на тебе насильник и игроки, на нас те, что у бара. Сергей, ты пока проверь четвертый этаж. Там бордель, может еще кто есть.

Сергея кивнул и тихо двинулся к лестнице.

Я остановился напротив дверей, они открывались в обе стороны, но сейчас были закрыты.

– Влас, ты справа, Дима пойдет слева, я по центру.

Мы с Димой кивнули и заняли указанные Виктором места.

– На счет три, – шепнул сержант и начал отсчет. – Раз! Два! Три...

Мы дружно открыли двери ногами и, как ураган, влетели в бильярдную. Ребята начали стрелять раньше, им проще, цели у них открытые, сидят спиной ко входу. Я же выцеливал насильника. Наконец нажал на спуск, пули из «варяга» просто сбросили его с девушки. Дальше просто, один из билиардистов потянулся к «калашу», лежащему на соседнем столе. Но безоболочные пули отшвырнули его к стене, едва не разорвав пополам. Последний из рязанцев, бросив кий, схватил официантку, лежащую на столе, и прикрылся ей, поднеся к ее горлу большой охотничий нож.

– А ну, стоять! – заорал он безумным голосом. – Иначе вскрою сучке горло!

Димка, дрогнув, опустил ствол «бизона» в пол, его примеру последовал Виктор. Я же продолжал целиться в девушку, поскольку невысокий парень умудрился спрятаться за ней так, что я видел только руку с ножом.

– Брось ствол, – заорал он. – Мы уйдем отсюда и, когда я буду в безопасности, отпущу ее.

– Никуда ты не уйдешь, – сказал я громко. – Девушка, как вас зовут?

Ее глаза расширились то ли от удивления, то ли от страха.

– Даша, – почти шепотом произнесла она.

– Хорошо, Даша, – сказал я, – ничего не бойтесь, сейчас я выстрелю вам в левое плечо и сделаю там аккуратную дырку. Вам ничего не угрожает. Закройте глаза.

– Ты не сделаешь этого! – заорал рязанец.

– Стоит мне опустить автомат, – спокойно прицеливаясь, сказал я, – и ты схватишь Калашников, лежащий на столе, потом убьешь нас, а затем всех в этом зале. Ведь именно так ты планировал?

– Нет! – истерично завизжал бандит.

От страха ножки девушки подкосились и она повисла на его руке, открыв мне голову бандита. Выстрел прозвучал почти неслышно, а безоболочная пуля смяла череп последнего из рязанцев, словно куриное яйцо. Девушка отбросила руку с ножом, и бандит рухнул на пол.

– Молодец, Даша, ты сделала все так, как надо, – поднимая девушку с пола, произнес я, – пойдём к бару. Эй, кто из вас бармен? – посмотрев на бывших заложников, спросил я.

Парень в белой рубашке поднялся и на негнувшихся ногах отправился к стойке.

– Чего изволите? – заняв свое место, дрожащим голосом спросил он.

– Девушке чего покрепче, а мне коньяка. Ребята, вы что будете?

В этот момент в бильярдную влетело запоздавшее подкрепление из троих «легионеров» и четырех «витязей». С ними был Серега.

– Наверху все чисто, – доложил он.

Виктор кивнул.

– Ребята, спокойно, здесь уже все кончилось, – подняв руки, крикнул подкреплению он. – Там на втором этаже был еще один в наручниках, заберите его и вздерните на ближайшем столбе. – А затем направился в сторону бармена. – Мне пива. Дим, Сергей, вы что будете?

– Тоже пиво. Питерское есть? – в один голос ответили парни, занимая свои места, согласно купленным билетам.

Бармен кивнул и трясущимися руками начал разливать по бокалам пенный напиток. Виктор к этому моменту обшмонал карманы убитых. Два тугих бумажника, три золотых перстня и увесистая золотая цепочка перекачались в его карман. Я удивленно покосился в его сторону.

– Сержант, извини, может я, конечно, лезу не в свое дело, – тихонько сказал я, – но разве это не мародерство?

– Влас, здесь действуют те же правила, что и на дороге. Все нормально, это разрешено по закону и мы в своих правах, – спокойно, усаживаясь на высокий барный табурет, ответил он. – Ни тела, ни вещи преступников родне не выдаются, тебе должны были объяснить в тренировочном лагере.

– Да, говорили, но только я не верил, что это серьезно.

– Все, что тебе говорили, вполне серьезно, – кивнул он, – заруби себе на носу. Им вещи уже ни к чему, а нам пригодятся, так что, когда поедем в отдел, по дороге поделим. Твоя доля не маленькая, ведь ты выполнил основную работу. Все нормально, они преступили закон, а значит, к стенке. Убили троих охранников, а это уже преступление против власти.

– Не троих, а четверых, – раздался позади голос Олега.

Мы вскочили и вытянулись по стойке смирно.

– Четвертое тело нашли в туалете, – сказал капитан. – А ты молодец, – повернулся он ко мне, – первый раз в патруле и уже умудрился заработать премию. Приедешь в отдел, зайди в фин. часть.

Я неумело козырнул.

– Служу Княжеству!

– Хорошо служите, – похвалил капитан и направился к выходу.

Именно в этот момент в дверях бильярдной появился толстый мужик в камуфляже с гербом Рязани на левой стороне груди. За спиной у него стояли два рослых парня. На поясе у каждого из них в открытой кобуре дремал «Дротик», один из лучших пистолетов еще российского производства.

– Тела отдайте, – сказал толстый, войдя в зал и мельком глянув на залитые кровью трупы своих подручных.

– Демид, ты закон владимирский знаешь? – ответил капитан. – Тела преступников не выдаются.

– Олег, в виде исключения, – сделав над собой усилие, попросил толстый. – Вон тот, без штанов, сын правой руки Рязанского Князя, я обещал вернуть его в любом случае. А вон тот, с дырявой головой, племянник очень влиятельного наркоторговца. Это его караван мы ведем.

Я же присматривался к толстому повнимательней. Голос стальной, властный, в глазах жестокость маньяка. Такому человека убить – раз плюнуть. Приглядевшись, я понял, что правый глаз у Демида искусственный, поэтому он и поворачивал голову, чтобы увидеть тела.

– Остальные мне не нужны, – меж тем продолжил толстяк, – но этих двоих отдай.

– Хрен с тобой, забирай, – наконец сдался капитан, видимо, он решил, что проще немного нарушить закон, чем утопить город в крови – не отдашь, будут говорить стволы. – Но чтобы завтра с утра вашего каравана в городе не было.

– Хорошо, – просто согласился Демид, – завтра мы на рассвете тронемся в путь. Эй вы, – повернулся он к охранникам, – грузите этих двух идиотов в Ниву.

Телохранители молча подошли к трупам и, ухватив полуголого за ноги и за руки, поволокли к выходу. Через пару минут они вернулись и унесли второго. Демид направился следом, но в дверях затормозил и пристально посмотрел мне в глаза, единственный видящий глаз обещал мне скорую расправу с долгой и мучительной смертью.

– А тебе, Олег, спасибо, – бросил он капитану. – Думаю, твой поступок достоин награды. Там стоят три Нивы, две мы заберем, а одну оставим тебе, – и, развернувшись, тяжело переваливаясь, вышел за дверь.

– Ну что, Влас, поздравляю, – повернулся к нам капитан, – твое вознаграждение еще выросло ровно на одну Ниву, она теперь твоя. Только я бы на твоём месте теперь бы спал в пол глаза, Рязанцы не простят тебе убийства таких важных для них людей. Официального

преследования не будет, Князь своих в обиду не дает, а вот нож в спину получить можешь. Так что, будь осторожен, – и, кивнув, Олег вышел из бильярдной.

– Да, вляпались, – хмуро подвел итог Дима, – теперь стоит от всякой тени шарахаться. Правда и заработали не мало.

– Ниву продадим, деньги на троих поделим, – беспечно сказал я.

– И не думай, – строго заявил Виктор, – это твоя награда, только эмблему нужно с рязанской превратить во владимирскую. А так все нормально, сегодня простишься с премией и в расчете.

– Как скажешь, командир, – улыбнулся я и весело козырнул сержанту.

Опрокинув бокал коньяка и допив пиво, мы вышли из «Колизея». Нива оказалась почти новой – под капотом форсированный движок, ключи в замке зажигания.

– Владей, – указывая на них, сказал Виктор.

Машину быстро обшмонали. Серега даже на всякий пожарный осмотрел днище.

– Вроде ничего постороннего, – поднимаясь и отряхивая ладони, произнес он.

В бардачке обнаружили пакет с герычем, грамм на пятьдесят.

– А вот это лучше сразу сдай, – сказал Виктор, – у нас за хранение этой дряни расстрел.

– Да я вроде бы не увлекаюсь, – пожал плечами я. – Если тебе не сложно, заberi его и сдай, ладно? А то еще забуду.

Сержант серьезно кивнул и, забрав пакет, положил его в нагрудный карман. Потом усевшись в Ниву, на которой мы приехали к «Колизею», пересчитали и разделили деньги, конфискованные у Рязанцев.

– Двенадцать тысяч, – подвел итог Виктор, – по три тысячи на рыло и по перстню вам, цепочку, как старший, оставляю себе.

– Не вопрос, – в один голос ответили мы, рассовывая деньги по карманам.

– Держи, – сказал Виктор, протягивая мне бумажник из змеиной кожи, – а то я гляжу, у тебя нету.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я и убрал деньги в дорогой бумажник.

– Он не меньше штуки стоит, – на глазок оценил дар Витек. – Но цепуха, которая мне досталась, тянет еще тысячи на четыре, так что я не внакладе, – и он протянул Димке второй лопатник из жесткой крокодиловой кожи, – владей, витязь, – великодушно сказал он.

Серега остался к этому равнодушным, его лопатник был покруче.

– Кстати, Влас, тебя в отделении ждет еще один сюрприз.

– Какой? – немного напрягшись, спросил я.

– Да не напрягайся, – заметив, что я, как пес, ощетинился сказал сержант, – сюрприз приятный. Тебе от нашего отдела однокомнатную квартиру презентовали. Вчера одного барыгу застрелили, так вот наследников у него нет, и квартиру отдали в отдел, решено было передать тебе, ведь в общаге не жизнь. Но я тебе ничего не говорил, так что, когда скажут, сделай большие глаза, прыгай от радости и делай вид, что слышишь об этом впервые. Кстати, квартира неподалеку отсюда, правда теперь от центра все неподалеку.

– Не фига себе, фарт пошел, – обрадовался Дима. – Скоро на новоселье погуляем, заодно и машину обмоем.

Серега в предвкушении потер руки.

– Слушай, а с чего это мне такие привилегии? – спросил я, не торопясь радоваться свалившимся на меня благам. – Два часа назад я был рядовым бойцом отряда дружинников «Витязь», спустя два часа у меня квартира, машина и деньги. Так за что мне все это?

– Ты везде подвох видишь? – немного удивленно спросил Сергей.

– Да, ребята, везде, – отозвался я. – Понимаете, не верю я, что вам тут всем квартиры раздают и капитаны машины дарят. Если еще есть закон о реквизировании у преступников денег, украшений и прочего, то насчет халявной квартиры я сильно сомневаюсь.

– Ладно, так и быть, расскажу, – нехотя сказал сержант. – Дим, Сергей, идите погуляйте пять минут и поедem.

Парни вылезли из машины и, прикурив, стали проверять подаренную мне Ниву.

– В общем так, – начал Виктор. – На тебя сделана ставка. Ты в наше дерьмо недавно окунулся, поэтому тебе хотят доверить новый отдел. Квартирой, машиной, деньгами тебя пытаются привязать к Княжеству. Не спрашивай насчет отдела, сия тайна за семью печатями. В первый же день, как ты появился в тренировочном центре, нашему командиру от Петровича пошел сигнал. Тебя всю неделю тестировали. Сразу стало ясно, что до того, как ты впал в кому, ты был очень не простым человеком. У тебя навыки явно не рядового исполнителя. Любого можно научить стрелять, драться, бегать, прыгать. Психологический тест, по которому тебя прогнали, говорит, что твое IQ выше нормы в три раза. Я тебе этого говорить не должен, я вообще этого знать не должен, случайно услышал разговор. Но что за отдел собираются тебе дать, не знаю. А караван был проверкой, которую ты прошел просто великолепно.

– Понятно, – обрабатывая полученную информацию, отозвался я. Впрочем, мне пока что все это на руку – квартира, деньги, машина, если я правильно понимаю, то я буду достаточно автономен. – Ладно, Вить, спасибо, что предупредил, теперь я буду во всеоружии. Если дело окажется стоящим, перетащу тебя к себе. Скорее всего, мне будет дан карт-бланш на формирование отдела. А теперь поехали.

Виктор кивнул.

– Ты на своей? – он посмотрел в сторону Нивы.

– Пожалуй, надо бы обкатать, я как-никак девять лет за рулем не сидел.

– Тогда пристраивайся в хвост. Дима сядет с тобой, Сергей со мной.

Через несколько минут мы уже двигали по трассе. Машина слушалась хорошо. Да, я раньше водил неплохо, вот только кто я? Пока ехали, смог немного присмотреться к городу. Центр почти весь состоял из новых домов: красивые, невысокие, все из стекла и бетона. Но сразу за Студеной горой пошел старый, прежний, хорошо знакомый Владимир. Новых домов здесь почти нет, самые свежие года двухтысячного. Остальные – обыкновенные пятиэтажные хрущевки. Кое-где вместо окон фанерные листы, а некоторые просто зияли пустыми рамами и выгоревшими квартирами. Дорога тоже намного хуже, хотя разбита не так сильно, как на пути к тренировочной базе дружинников и за городом. Нива Виктора показала левый поворот, свернула к отделу, заехав во двор.

Гроб, распоряжавшийся здесь, сразу вызвал меня к себе, где в присутствии еще одного подполковника, трех майоров и пяти капитанов, среди которых я обнаружил Олега, вручил мне ключи от квартиры, которая оказалась прямо на Студеной горе в одном из новых домов. Пришлось сбивчиво благодарить, делать вид, что я удивлен и радуюсь привалившему счастью. Наконец, церемония закончилась, и мы остались с полковником наедине.

– Итак, Влас, ваши показатели превосходят любого из моих людей. Сверху пришел строгий приказ – любыми средствами привязать вас к Княжеству. Вам поручено возглавить новый отдел, – он пристально посмотрел мне в глаза, пытаясь узнать, о чем я думаю, но натолкнулся на холодный взгляд, требующий продолжения столь интересной истории. – Завтра будет получен приказ о присвоении вам звания майора. В ваше распоряжение будет передано отдельное здание, людей вам поручено отобрать лично, учитывая специфику работы. Пока что это двадцать человек. Вам предоставят файлы на всех сотрудников и вы сами отберете нужных вам людей.

– Почему я?

– Не знаю почему, – огрызнулся он, – я бы тоже хотел узнать, почему к рядовому бойцу столько внимания.

«Врешь, – подумал я, – ты все знаешь, вот только говорить не хочешь».

– Что за отдел я возглавлю?

– Я не знаю. Приказы вам будет отдавать воевода Княжества лично, вы с этой минуты не подвластны мне.

– Тогда почему именно вы вводите меня в курс дела?

– Таков приказ, – виновато произнес он и вдруг спохватился: его, матерого волка, допрашивает какой-то щенок, который пробыл у него в подчинение полторы недели, из них неделя на тренировочной базе. – Все, на этом я с вами прощаюсь, – поднявшись, сказал он, показывая, что разговор закончен. – Надеюсь, вы оправдаете надежды, которые на вас возлагают.

– Хорошо, – согласился я. – Тогда будьте добры подготовить приказ о переводе сержанта Виктора, его водителя Сергея, к сожалению не знаю фамилий, и рядового Дмитрия Чубарова. Пока это все. Возможно, я заберу еще несколько людей, но позже.

Полковник позеленел и даже не заметил протянутой руки.

– Ну что ж, – пожав плечами, сказал я и направился к двери.

Ребят я нашел в столовой.

– Виктор, Сергей и ты Дима отныне больше не служите здесь, вас переводят в мое подразделение.

– Ты серьезно? – спросил сержант.

– Абсолютно, завтра будут готовы ваши документы, нам выделяется новое здание. Так что, прощайтесь, сегодня вы здесь последний день.

– А кто еще? – спросил сержант.

– Пока не знаю, – сказал я, направляясь к двери. – Вот мой адрес, – положив на стол бумажку, на которой было всего несколько строк, – как здесь закончите, жду у себя. В конце-концов, я ведь должен проставиться. Мне нужно набрать двадцать человек, вы первые, остальных будем подбирать.

– Ты веришь, что игра стоит свеч? – спросил меня Виктор, Сергей и Дима согласно кивнули, мол, нас это тоже интересует.

– Да, – ответил я и, развернувшись, направился к двери.

Меня провожали удивленными взглядами, кем же надо быть, чтобы за два часа так высоко взлететь. Как бы мне хотелось узнать, кем же я был.

Глава 5

По дороге «домой» пришлось заехать в супермаркет купить еды, несколько бутылок хорошего коньяка, кой-какую гражданскую одежду и необходимые принадлежности. В общагу решил не возвращаться, вещей у меня и так не было, а завозить ключи было лень. Оставив в магазине почти половину бумажника, где-то около трех тысяч, я вышел оттуда увешанный десятком объемных пакетов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.